

* Иероглиф, используемый для «дозорная башня» — □, декоративная церемониальная башня. Они служат символическими границами дворцов и храмов.

Пролог

Седьмое Седьмого · Так ли непроходим путь меж Ткачихою и Пастухом?

В просторном зале дворца подул осенний ветер, развевая черные одежды Дуань Лина, который торопливо шел вдоль галереи. Его длинные волосы были стянуты зеленой лентой, а мягкие губы слегка сжаты.

Он прошел сквозь танцующие силуэты деревьев, где летние цикады постепенно умолкали на рубеже сезонов, миновал сад, усыпанный кружащейся листвой, пересек сумерки, где мерцающие фонари создавали причудливую игру света и тени, и вошел в прозрачную тьму, наступившую после угасания пурпурно-красных отсветов заката. Человеческая жизнь подобна сцене — когда опускается занавес, остаются лишь сверкающие звезды, рассыпанные по синему шелку неба.

В черных одеяниях, почти слившись с ночной тьмой, он медленно остановился перед статуей Белого Тигра. Свет созвездий, преломляясь, струился сквозь купол павильона. У подножия божества, ведающего осенней порой, на нефритовой подставке покоился Чжэньшаньхэ.

Это место казалось храмом, максимально приближенным к обители небесных светил. Каждый раз, стоя под взором Белого Тигра, Дуань Лин чувствовал, что между ним и Серебряной рекой — всего шаг. Но божество безмолвно преграждало ему путь, будто за его спиной кипела оживленная небесная страна, куда нельзя было ступить смертным.

— Папа, — Дуань Лин подошел ближе, погладил острые клыки Белого Тигра, прижался лицом к его холодной морде и с нежностью сказал: — Прошел еще один год.

Он зажег три палочки для благовоний и трижды поклонился статуе Белого Тигра. Поднялся осенний ветерок, взметая шелковые занавески, и аромат сандалового дерева поплыл в воздухе. Дуань Лин взобрался на постамент, залез в слегка изогнутую лапу Белого Тигра, прислонился к его мощной груди и, устремив взгляд на звезды на небосводе, словно находясь в объятиях божества, в задумчивости застыл.

В глазах Белого Тигра отражался звездный свет, а его прохладное нефритовое тело постепенно согревалось. Прижавшись к четко очерченным мускулам на груди божества, Дуань Лин вдруг почувствовал нечто странное.

— Кто здесь? — в полузабытьи он заметил, как за занавеской мелькнула человеческая фигура.

Порыв ветра вновь распахнул полог, и внутрь шагнул высокий статный мужчина.

Дуань Лин в шоке уставился на него.

У него были глубоко посаженные глаза, мерцающие звездным светом, густые черные брови и мягкие губы. Легкий парчовый халат небесно-голубого цвета сочетал кочевой и ханьский стили: левый рукав был завязан как у воина, а правый свободно свисал, как у ученого. На распахнутой одежде серебряной нитью была вышита колея созвездия Белого Тигра, где центральная звезда сияла ослепительнее прочих.

На ногах красовались сапоги с узором из облаков, левое плечо прикрывала серебряная наплечная пластина, а на правом запястье сверкал камень, подобный застывшей капле воды.

— Папа? — Дуань Лин едва верил своим глазам. Это был отец, но совсем не тот, которого он помнил. Он казался моложе — будто едва перешагнул двадцатилетний рубеж. Его лицо, словно высеченное из нефрита, сияло белизной, а во взгляде не осталось и следа былой усталости и суровости — лишь благородная утонченность.

Ли Цзяньхун рассмеялся, ловко вскочил на спину Белого Тигра и облокотился на его бока. Скульптура внезапно ожила, издав глухое рычание, отчего Дуань Лин вздрогнул.

— Как ты... — глядя на него, Дуань Лин испытал прилив приятного удивления.

— Стал таким молодым? — усмехнулся Ли Цзяньхун. — А вот мой сын, похоже, повзрослел.

Дуань Лин не мог поверить — теперь они с отцом выглядели словно ровесники. Когда они сидели рядом, Ли Цзяньхун казался старше его всего на пару лет.

— Хоть ты и вырос, а я помолодел, — лукаво сказал Ли Цзяньхун, — гэгэ меня все равно не зови. Разве не представлял, каким я был в юности?

Глаза Дуань Лина светились изумлением, а на губах играла улыбка, которую он был не в силах скрыть. Он взял руку отца, рассматривая нефритовый браслет на запястье:

— Что это?

— Звездный нефрит, — ответил Ли Цзяньхун, снимая украшение и протягивая сыну. — Он нужен мне для охраны неба. На, возьми.

— Не надо, — буркнул Дуань Лин, уловив в отцовской ухмылке привычную беспечность. — Чем он лучше? Моя нефритовая дуга куда красивее.

— Это звезда, — сказал Ли Цзяньхун. — Одна из светил, что правят судьбами всех в мире смертных. Люди часто говорят: «Достану для тебя даже звезду с неба». Вот и она.

— Папа, ты стал небожителем? — удивился Дуань Лин.

Ли Цзяньхун, чьи одежды развевались на ветру, таинственно приложил палец к губам и объяснил:

— Сегодня Циси — ночь, когда встречаются Ткачиха и Пастух. Я спустился, пока они отвлеклись. Но скоро мне придется вернуться, чтобы они не заметили.

— Мы еще увидимся? — голос Дуань Лина дрогнул.

Ли Цзяньхун молча смотрел на слезы, навернувшиеся на ресницах сына. Дуань Лин помнил из древних свитков: небожителем запрещено без причины являться в мир смертных и открывать тайны мироздания. Но всего одной встречи с ним в этой жизни ему достаточно, чтобы больше не сожалеть ни о чем.

— Я вижу тебя каждый день, — тихо произнес Ли Цзяньхун. — Всегда.

Он обнял Дуань Лина, позволив тому прильнуть к своему плечу, и со смехом произнес:

— И больше тебе нечего сказать? Уже вырос, а все хнычешь, как дитя.

Сквозь слезы Дуань Лин улыбнулся. Всматриваясь в знакомые черты — изгибы бровей, линию носа, — он понимал: отец остался тем же, кого все эти годы он вспоминал в полночных грезах.

— В прошлом месяце мне снился сон, — наконец выдал Дуань Лин, не находя других слов. — Ты там был.

— М-м? — Ли Цзяньхун снял верхний халат, укрыл им обоих, и они вместе устремили взгляды к звездному куполу. — И о чем же был твой сон?

Дуань Лин собрался объяснить, но тот перебил:

— Ты прямо как наши великие предки. Или как Чжуан-цзы — вечно бродят в сновидениях: то бабочкой обернутся, то исполинской рыбой... Как бы однажды не застрять в мире грез навеки.

Дуань Лин снова рассмеялся:

— Если в грезах я смогу видеть тебя всегда, то и просыпаться не захочется.

Они сидели плечом к плечу, словно двое юношей. Когда-то Ли Яньцю рассказывал Дуань Лину о годах своей молодости, проведенных рядом с отцом, и в его сердце поднималась жгучая

зависть. Как же он мечтал повернуть время вспять — оказаться во временах юности отца, сражаться с ним за империю или помогать управлять делами государства!

Но он никак не ожидал, что их воссоединение произойдет при таких обстоятельствах. В мире смертных люди проводят большую часть времени порознь, встречи редки, а разлуки часты. Вечность не ждет — если продолжать медлить, отец вновь исчезнет, не успев и слова договорить.

— Во сне ты взял меня с собой в северный поход — против Корё и монголов, — Дуань Лин вспоминал детали, столь яркие, будто все случилось вчера. Он поднял взгляд:

— Лан Цзюнься все еще был жив, привел меня в свою деревню. Чан Люцзюнь и Чжэн Янь тоже были с нами. А ты... ты тогда отругал меня.

Ли Цзяньхун помрачнел:

— Еще бы не отругать! Целый день крутишься вокруг У Ду, отца позабыл, шатаешься где попало — как бы не потерялся?

Дуань Лин в шоке уставился на него.

— Ты знал?! — юноша остолбенел. — Откуда тебе известно?!

— Не знал, — дернув уголком губ, Ли Цзяньхун сделал невинное лицо. — Честное слово.

— Ты знаешь! — Дуань Лин вцепился в рукав отца. — Иначе откуда бы тебе стало известно про то, что я сбежал с У Ду?

Ли Цзяньхун не выдержал и расхохотался:

— Где этот У Ду? Позови-ка его — мы уже сто лет как не пили вместе.

— Вы вместе пили? — Дуань Лин удивился. — Никогда не слышал от него об этом.

Ли Цзяньхун только запутывался в объяснениях, вина во всем собственного слишком сообразительного сына, который чуть не вытянул из него небесные тайны. Пришлось замолчать, лишь улыбаясь ему.

— Чему ты ухмыляешься? — нахмурился Дуань Лин.

— Есть много вещей, которые я не могу сказать, вот и улыбаюсь. А что еще остается? —

ответил Ли Цзяньхун.

Дуань Лин смотрел на красивую улыбку отца, теряясь в догадках. Наконец он произнес:

— Значит, в моих снах действительно был ты.

Ли Цзяньхун лишь приподнял бровь, не отрицая и не подтверждая. Раскрыв ладонь, он показал звездный нефрит. Он переливался нежным стеклянным блеском, а внутри мерцал крошечный светящийся огонек.

— На, возьми. Это тебе — звезда с неба, — сказал Ли Цзяньхун.

Дуань Лин осторожно коснулся нефрита пальцем. Камень вспыхнул ярким, но мягким сиянием, словно переноса его в сердце Серебряной реки. Белый свет заполнил все вокруг, звезды спустилась вниз, и на мгновение юноша оказался погруженным в море лучезарных струй.

— Отец... — Дуань Лин почувствовал, как Ли Цзяньхун начинает растворяться в реке света.

Ли Цзяньхун лишь улыбнулся ему:

— Сын мой, заходи ко мне в мир грез.

— Папа! — вскричал Дуань Лин.

Ли Цзяньхун рассыпался звездной пылью, исчезнув рядом с Дуань Лином. В сиянии юноша почувствовал, будто стал совсем маленьким, вновь превратившись в того ребенка, что когда-то встретил отца после долгой разлуки. Ли Цзяньхун склонился, с нежной улыбкой глядя на сына, погладил его по голове, а затем превратился в легкий ветерок, что в ночь Циси растворился в небесной выси.

Седьмое Седьмого. Серебряная река с неглубокой прозрачной водой — так ли непроходим путь меж Ткачихою и Пастухом?

Дуань Лин огляделся. В этом нежном сновидении звезды мерцали, словно осколки света, пляшущие на речной глади. Река прозрачна, мелководна, Но им встречаться часто не велят. Пусть им мешают свидеться река — друг другу шлют свой свет издалека*.

* Строки из стихотворения □□□□□ / «Мерцает вдалеке звезда Пастух...», написанного анонимным поэтом во времена династии Хань, является одним из девятнадцати древних стихотворений.

I. Пылающий свет звезд озаряет девятнадцать провинций

Снег есть и к северу от Великой стены, и к югу от нее, но цвет у него разный.

Снег центральной равнины цвета льда и нефрита. Он падает, словно хлопья ваты или тополиный пух, и, кружась в небесной выси, прокладывает себе путь сквозь ветреную ночь, преломляя многоцветные огни фонарей, льющиеся изо всех уголков мира.

А снег за Великой стеной окрашен в цвет самого света. Он обрушивается подобно звездам, низвергнутым в мир смертных — ослепительным, покрывающим все сплошным ковром. Звездные россыпи сливаются воедино, образуя единое полотно, словно плотина, сдерживающая Серебряную реку, прорвалась, затопив бескрайние пустыни, далекие горные хребты и необъятные застывшие реки.

Там простираются безлюдные просторы — бесконечные степи и леса. Каждое дерево гнется под тяжестью северного снега. Порой одно из них рушится, и тогда эхом катится по чащобе гул обрывающихся ветвей и треск ломающейся древесины.

В этот миг конское ржание прорезало снежный лес, и за ним последовал низкий голос:

— Тихо. — У Ду произнес это бархатным, властным тоном, и лошадь послушно замерла.

Дуань Лин, обхватив У Ду за талию и прижавшись щекой к его спине, спросил:

— Где засада?

— Они нас потеряли.

У Ду огляделся. Они выбрали короткий путь, но оторвались от основных сил, а по дороге не раз попадали в засады Корё. Пришлось пробираться сквозь дремучий лес в самую глубь ущелья.

Повернув голову, он встретился взглядом с Дуань Лином, и между ними повисла немая пауза.

— Мы заблудились, — сказал У Ду, направляя поводья и разворачивая коня. — Тебе не холодно?

Дуань Лин выдохнул облачко пара, превратившееся на его глазах в ледяные кристаллики. У Ду помог ему слезть с лошади:

— Давай немного пройдемся.

— Вчера мы без остановки скакали до самого вечера, спускаясь с возвышенности, — проговорил Дуань Лин. — Целые сутки. Если бы двигались на юг, вряд ли оказались бы так далеко от дороги. Боюсь, мы свернули куда-то не туда.

Дуань Лин веткой прочертил на снегу схему пройденного пути, и они с У Ду склонились над рисунком.

— Ты прав, — сказал У Ду. — Надо было свернуть у первого горного прохода, но тогда мы отвлеклись на засаду убийц из Корё. Теперь возвращаться уже поздно.

Война с Корё длилась уже полгода, втянув в себя Юань, Ляо и Силян. Летом армия Южной Чэнь выдвинулась к северо-восточным границам, пройдя Шаньхайгуань, но застряла здесь на долгие месяцы, пока первый снег не накрыл земли ледяным дыханием зимы.

Дуань Лин ненавидел воевать зимой, на севере, на два фронта и особенно — в снегопад, и нынешняя кампания соответствовала всем этим критериям. Лучшие войска Южной Чэнь планировали нанести Корё решающий удар до конца года, но когда уже выследили их правителя, во время вынужденного переброса войск они попали в засаду монголов, и армия впала в смятение.

— Если мы пойдем дальше на север, то достигнем гор Сянбэй, — У Ду взглянул на хмурое небо. Он срубил Легуанцзянем дерево, изучил годовые кольца и указал на юг.

— Давай немного передохнем, — выдохнул изможденный Дуань Лин.

Они с У Ду пробирались сквозь буран к горным склонам, нашли пещеру и юркнули внутрь.

Спустя некоторое время У Ду вернулся с двумя зайцами и хворостом, развел костер, высушил их сапоги, и они, прижавшись друг к другу, стали жарить добычу.

— Эй, — позвал Дуань Лин.

— М-м? — У Ду рассеянно смотрел на пламя. Золотистые блики танцевали в его ясных глазах, словно отблески звезды.

— Тебе опять по возвращении влетит, — усмехнулся Дуань Лин.

— Я рожден, чтобы выслушивать ругань, — хмыкнул У Ду. — В этот раз отделаюсь десятью ударами палкой, не меньше.

Под закатанными рукавами виднелись красные полосы на мускулистых руках — следы плеток перед самым отъездом армии. Его всегда наказывали из-за проделок Дуань Лина. Из четырех

великих убийц лишь он регулярно получал нагоняй и уже привык. Каждый раз Дуань Лин, стоя рядом, кричал сквозь слезы: «Хватит! Он же не нарочно!»

Впрочем, У Ду закалился от частых наказаний. Лекарств хватало, ссадины заживали за дни. Сам он не придавал этому значения, но Дуань Лин переживал невероятно.

— Эй, — снова позвал Дуань Лин.

На этот раз У Ду не ответил. Одной рукой обняв Дуань Лина, он погрузился в мысли, и через мгновение юноша начал медленно проводить пальцами по следам плетки на его руке, поднимаясь к мощной груди. Ладонь У Ду скользнула по спине Дуань Лина, притягивая его ближе.

— О чем думаешь? — шепотом спросил Дуань Лин.

— О чем я еще могу думать, — теплые губы У Ду коснулись брови юноши. Он уложил его на спину и, подобно волку, стал обнюхивать щеку, опираясь на локоть и слегка прижимаясь телом.

— Твой отец наверняка мечтает расквасить мне лицо, — тихо прошептал У Ду на ухо Дуань Лину.

Тот не сдержал смешка, обвив руками шею У Ду:

— Тогда веди себя прилично.

— Даже если завтра умру, — решительным тоном произнес У Ду, — я ни за что не смогу вести себя прилично.

С этими словами У Ду расстегнул свои нижние одежды и наклонился над Дуань Лином. Юноша прерывисто задышал, и их тела сплелись в объятиях, наконец получив долгожданную близость: в казарме они всегда были настороже, а после того как отделились от армии, им приходилось постоянно спасаться от преследователей.

Ночью Дуань Лин спал на боку, и его лицо пылало от жара костра. У Ду, обнажив торс, сидел у входа в пещеру на страже, а на его подтянутых, рельефных мышцах блестели капельки пота.

На переносице мужчины виднелся тонкий шрам — след столкновения во время конной схватки с киданями. На состязаниях наездников Великой Чэнь, Ляо, Юань и Силян У Ду в одиночку бросил вызов трем кланам, в итоге укротив строптивого царя скакунов. Однако привезенного в Цзянчжоу коня через два года сгубила непривычная среда. Дуань Лин тогда долго горевал.

На его предплечье красовался ожог — память о том, как они с Дуань Лином во время нападения на лагерь монголов подожгли их склады с провиантом. Тогда рухнувшую балку У Ду принял на плечо, и раскаленное дерево оставило этот шрам.

Несколько шрамов пересекали его спину — это были следы арбалетных болтов, что в погоне враги выпускали в стальные доспехи. От ударов гнулся металл, а дни скачек в седле превращали ссадины в кровавые волдыри, которые заживали, лишь чтобы вновь воспалиться... Так, раз за разом, на теле оставались отметины.

Одно из его ребер было сломано — Дуань Лин сам вправлял его. Не успев до конца восстановиться, У Ду вновь схватился за меч, ринувшись в бой, отчего кость слегка искривилась. В моменты близости Дуань Лин часто водил пальцами по его ключице, скользил вниз к талии, а затем касался ягодиц.

На шее мужчины алела свежая отметина — след от страстных поцелуев Дуань Лина.

Тем временем У Ду неотрывно вглядывался в снежную тьму за пределами пещеры. Изредка уханья сов нарушали тишину. При малейшем подозрении на вражеских разведчиков следовало немедленно затушить костер, чтобы преследователи не обнаружили их укрытие.

Дуань Лин перевернулся на другой бок, зевнул, и У Ду поправил накрывающий его плащ.

— Жарко, — прошептал Дуань Лин, испытывая после сна жажду. У Ду поднес к его губам флягу с водой.

— Давай я посторожу, — предложил Дуань Лин. — А ты поспи.

— Не нужно, — ответил У Ду.

Проснувшись, Дуань Лин прополоскал рот, жадно глотнул воды и снова прижался к У Ду. Тело мужчины пылало жаром, и через мгновение У Ду не выдержал, склонившись для поцелуя.

— Знаешь, в этот раз мне особенно не хотелось отправляться в поход, — признался Дуань Лин.
— Но если бы ты ушел, мы бы не виделись полгода.

— Знаю, — улыбнулся У Ду. Ради Дуань Лина он был готов на все. Он понимал, как юноше тяжело давалась разлука и как тот изворачивался, чтобы выкроить лишние мгновения вместе. Остальное не имело значения — лишь бы их сердца бились в унисон.

У Ду обнял Дуань Лина, нежно похлопав его по спине, и тот продолжил:

— По возвращении что-нибудь придумаю. Так продолжаться не должно.

Что он мог придумать? Он — наследный принц, а сам У Ду — всего лишь наемный убийца. Достигнутое до этого момента уже было немислимой милостью императорской семьи. Разве мог он по-настоящему обладать потомком Южной Чэнь, будущим Сыном Неба?

Это была неразрешимая задача. Он не видел выхода, да и не мог перекладывать ответственность на Дуань Лина. От этого У Ду вечно мучился — ведь не каждому мужчине на земле выпадало такое испытание. Чужой опыт здесь мало чем помогал.

— Нужно довольствоваться тем, что есть, — с улыбкой произнес У Ду.

— Да, но я этим недоволен, — покорно согласился Дуань Лин.

— Я о себе, — тихо поправил У Ду, целуя Дуань Лина и укладывая его на землю. После долгих нежных ласк за окном пещеры начало рассветать. Снегопад прекратился, и Дуань Лин, все еще прильнув щекой к груди У Ду и ровно дыша, погрузился в сон.

На рассвете раздавался птичий щебет. У Ду открыл глаза.

Снаружи слышалось шуршание шагов — быстрых, словно лисьих, приближающихся к пещере вместе с дуновением утреннего ветерка.

— Под деревьями железные шипы, — произнес У Ду. — Смертельный яд.

Шаги замерли, и Дуань Лин, наполовину во сне, почувствовал вибрацию грудной клетки У Ду и отвернулся от солнечного луча.

— У входа смертоносные нити, — продолжил У Ду.

Тень снаружи присела, веткой отодвинув паутину отравленных шелковых нитей, натянутых перед входом. Они переливались голубым оттенком яда. Малейшая царапина — и смерть неминуема.

— Осторожнее с потолком, — закончил У Ду.

Незнакомец наклонился, избегая свисающего с потолка острого кинжала.

— Вся армия искала вас трое суток, — в предрассветных сумерках прозвучал голос. — Если бы не нашли, скорее всего, нас бы обезглавили. Всех.

Услышав эти слова, полусонный Дуань Лин потер глаза и с трудом сел. Его губы дрогнули:

— Лан Цзюнься...

Прибывший и вправду оказался Лан Цзюнься. Половина его тела была в грязи, а волосы покрыты снегом. На левую руку надеты стальные когти для скалолазания, а в правой он держал меч.

— Как ты здесь оказался? — Дуань Лин приподнял руку, прикрывшись от света.

— А ты как думаешь? — выражение лица Лан Цзюнься было мрачным, и он с оттенком безысходности уставился на Дуань Лина. Развернувшись, он вышел из пещеры, дав им одеться.

Через четверть часа У Ду лениво выбрался наружу, и Лан Цзюнься протянул Дуань Лину бурдюк с вином. Его глаза были красны — он явно провел в поисках двое с половиной суток без сна и отдыха.

— Как ты нас нашел? — улыбнулся Дуань Лин.

— Это земли сяньбэйцев, — невозмутимо ответил Лан Цзюнься. — Горы — часть нашего мира. Естественно, отыскал.

— Где войска? — спросил У Ду.

— Обогнули южные предгорья, движутся к городу Байхэ. — Лан Цзюнься швырнул бамбуковую трубку. — Донесение для тебя.

У Ду вскрыл ее, пробежался глазами по содержимому, и Лан Цзюнься продолжил:

— Посол Корё покинул границу по западной дороге и направляется на северо-запад. Вероятно, едет на мирные переговоры с монголами.

— Почему бы нам троим не отправиться туда вместе? — предложил Дуань Лин.

— Нет, — без раздумий отрезал У Ду.

— Нет, — нахмурился Лан Цзюнься. — Больше людей — больше мишеней. Попадешься — шутки плохи. Думаешь, только мы тебя ищем? Борджигин Бату выслал сотню монгольских убийц, чтобы они повсюду искали тебя.

Дуань Лину осталось лишь уступить. У Ду закончил завязывать пояс и сказал:

— Я пойду. Посмотрим, смогу ли я получить какую-нибудь полезную информацию.

Дуань Лин сначала не хотел, чтобы У Ду шел один, но, поразмыслив, решил, что он прав. Если У Ду не пойдет с ним, а выполнит какое-нибудь другое задание, то вероятность того, что его накажут по возвращении в лагерь, будет меньше.

Они неохотно расставались, долго прощаясь, пока Дуань Лин наконец не подал поводья, чтобы У Ду сел в седло.

— Не волнуйся, — наклонившись с коня, У Ду страстно поцеловал Дуань Лина в губы, после чего на огромной скорости унесся прочь.

Лан Цзюнься, скрестив руки, скучающе ждал под деревом, пока Дуань Лин, оглядываясь через каждые несколько шагов, не вернулся.

Помолчав, они встретились взглядами. Лан Цзюнься вдруг пригрозил ударить, и Дуань Лин, громко смеясь, начал уворачиваться. Тот бросился в погоню. Дуань Лин слепил снежок и швырнул ему в лицо. Шар с грохотом рассыпался, осыпав Лан Цзюнься снегом. Тот, хоть и выглядел комично, но рассмеялся.

— Пора идти! — Лан Цзюнься вложил меч в ножны. Дуань Лин приблизился, но это оказалось ловушкой — мужчина резко схватил его.

— А-а-а! — вскрикнул Дуань Лин, когда его повалили в снег, и начал барахтаться.

— Спаси, я сдаюсь! — приглушенно произнес Дуань Лин.

Лан Цзюнься подхватил его на руки, отряхнул снег и усадил на коня. Дернув поводья, он вывел скакуна из ущелья, унося Дуань Лина прочь.

II. Мимолетная тень черного клинка остается прежней

Дуань Лин, прижавшись к груди Лан Цзюнься на спине мчащегося Бэнь Сяо, наблюдал, как по сторонам мелькают горные хребты. В памяти всплыла ночь, когда много лет назад Лан Цзюнься увозил его из Жунани. Тени гор, словно фигуры из театра теней, колышущиеся сосны, широкие реки — все это позже превратилось в переплетающиеся огни вращающихся волшебных фонарей, золотисто-алые блики и расплывчатые силуэты за бумажными окнами.

Сквозь яркое сияние фонарей в его детских наивных глазах, словно в ином мире, мерещились неясные тени.

— Лан Цзюнься, — поднял голову Дуань Лин.

— М-м? — тихо отозвался мужчина.

— О том, что было... — Дуань Лин усмехнулся. — Ни слова.

Лан Цзюнься не ответил, а лишь спросил:

— Тебе не холодно?

Его температура тела не была такой, как у пылающего жаром У Ду. Порой даже через одежду Дуань Лин ощущал бурную жизненную энергию У Ду.

— Нет, — ответил Дуань Лин. — Из-за той истории в прошлый раз ему всыпали двадцать ударов палками...

Тогда, когда они с У Ду страстно обнимались, на того поступил донос цензора, и в итоге У Ду избили до полусмерти. Хотя Дуань Лин знал, что Лан Цзюнься ничего не разболтает, между ними витало странное напряжение — будто мужчина испытывал к У Ду врожденную неприязнь.

— Что тебе в нем нравится? — внезапно спросил Лан Цзюнься.

— А? — в недоумении произнес Дуань Лин.

Уголки губ Лан Цзюнься дрогнули в легкой усмешке, озаренной едва уловимой улыбкой.

Дуань Лин и У Ду уже давно тайно обменялись клятвами в любви, но внезапный вопрос застал его врасплох. Уголки губ юноши дернулись в немом замешательстве.

— Нравится... его мастерство в бою?

— Чан Люцзюнь тоже хорош в боевых искусствах.

Дуань Лин рассмеялся:

— Он готовит для меня.

— Чжэн Янь готовит лучше, — бросил Лан Цзюнься.

— Он... красивый.

— Твой дядя еще красивее.

— Он добр ко мне.

— Все к тебе добры. Особенно он*.

* В смысле Ли Цзяньхун.

Дуань Лин не знал, смеяться или плакать, и наконец выдохнул:

— Он мне просто нравится, вот и все. Не могу объяснить, почему.

— Ему просто повезло, — небрежно бросил Лан Цзюнься. — Со временем ты к нему охладеешь. Дети всегда гоняются за новизной. Просто так получилось, что он хорошо с тобой ладит.

— Не охладю, — слегка нахмурившись, возразил Дуань Лин. — Мои чувства не погаснут.

— Угу, — непринужденно протянул Лан Цзюнься. — Ты же не такой бессердечный, как я.

— О чем ты?! — Дуань Лин рассмеялся, потянувшись пощекотать его. Лан Цзюнься поймал его руку и прижал к своей груди, чтобы согреть.

— Ревнуешь, да? — спросил Дуань Лин. — Я ведь не бросил тебя, даже сблизившись с У Ду.

— Ревную? Никогда бы не посмел.

Взгляд Дуань Лина мелькал то туда, то сюда, он искоса посмотрел на него, пытаясь разгадать его выражение лица. Лан Цзюнься всегда оставался внешне невозмутимым, не выдавая эмоций. Порой в его словах слышалась обида, но к следующей фразе все словно испарялось. Он никогда не видел его слез, а улыбка и вовсе являлась редким гостем.

— Мы на месте, — объявил Лан Цзюнься. — Сегодня переночуем в горах, а завтра двинемся в Байхэ.

Горы Сяньбэй были его владениями. Очевидно, он был здесь ранее — все необходимое уже было подготовлено. Едва они вошли в деревню, как местные стали кланяться и отвели лошадь в конюшню. Прохожие почтительно приветствовали Лан Цзюнься на сяньбэйском языке, обращаясь к нему «Ваше Высочество».

Сяньбэйцы с высокими переносицами и глубоко посаженными глазами поражали красотой: мужчины отличались статной внешностью, а женщины — изяществом. Их одежды пестрели этничными узорами. Лишь Лан Цзюнься выделялся ханским халатом, но это не умаляло его благородного облика.

Лан Цзюнься отвел Дуань Лина в дом, где они останутся на ночь. Внутри все было тщательно убрано и приготовлена свежая одежда. После долгих дней пути Дуань Лин едва держался на ногах и, войдя, сразу же бросился на кровать, но Лан Цзюнься ловкими движениями подхватил его.

— Сначала выпей воды, — сказал Лан Цзюнься. — Я знаю, ты устал.

Дуань Лин сделал несколько глотков чистой ледяной родниковой воды прямо из рук Лан Цзюнься, и тот расстегнул его халат. Не мывшийся несколько дней Дуань Лин почувствовал зуд по всему телу, и, раздевшись догола перед зеркалом, он смутился.

Заметив его неловкость, Лан Цзюнься обернул Дуань Лина в льняной халат и провел за ширму, где стояла деревянная бочка с горячей водой. Он предложил ему сначала помыться.

— На горе есть горячий источник, — сказал Лан Цзюнься, устраиваясь за ширмой. — Когда закончится война, свожу тебя туда окунуться.

Дуань Лин хмыкнул в ответ, и Лан Цзюнься спросил:

— Спину потереть?

Лицо Дуань Лина слегка зарделось, и он погрузился глубже в воду. Не дожидаясь ответа, Лан Цзюнься добавил:

— Зря я отослал У Ду. С ним тебе было бы проще.

Дуань Лин вспомнил, как в детстве Лан Цзюнься всегда помогал ему мыться, и рассмеялся:

— Не в этом дело. Я просто подумал, что тебе тоже нужно отдохнуть.

Обойдя ширму, Лан Цзюнься взял полотенце, вымыл Дуань Лину голову и растер спину. Вскоре принесли свежесобранную в горах малину — кисло-сладкие ягоды, холодящие на вкус, и Дуань Лин набрал целую пригоршню.

Только когда Дуань Лин закончил мыться и расслабился, Лан Цзюнься позволил ему лечь на кровать, а сам сел в бочку, которую только что использовал Дуань Лин.

— Пусть принесут новую воду, — поспешно предложил Дуань Лин.

— Слишком хлопотно, — Лан Цзюнься, чье обнаженное мускулистое тело отбрасывало на ширму силуэт, изящный и красивый, как у статного скакуна, вытирал грудь полотенцем.

Дуань Лин, обхватив медную грелку, рассеянно слушал плеск воды, доносящийся из-за перегородки. Через мгновение Лан Цзюнься небрежно бросил:

— Ты наследный принц, Дуань Лин.

— Знаю, — вздохнул Дуань Лин. — Виноват.

— Когда начался бой, ты сразу же бросился вперед, полагаясь на то, что тебя кто-то защитит. Как только вы отделились, все испугались, что ты попал в руки монголов. Неужели не понимаешь — есть те, кто предпочтет смерть, лишь бы ни один волосок не упал с твоей головы.

Дуань Лин, слегка опечаленный упреками, пробормотал:

— Больше этого не повторится. Я не специально... Да и мы попали в засаду.

Лан Цзюнься, ограничившись сказанным, замолчал.

Закончив оправдываться, Дуань Лин почувствовал еще большую горечь. Повалившись на кровать, он раскинул руки и проворчал себе под нос:

— Летописцы точно запишут меня как неумелого правителя. Когда все от меня отвернутся, стану хотя бы назидательным примером для потомков.

Движения Лан Цзюнься на мгновение замерли — словно он хотел что-то сказать, но передумал.

Вскоре мужчина произнес:

— Я перегнул палку.

— Нет, — устало ответил Дуань Лин.

Как раз в этот момент Лан Цзюнься, вымывшись, вышел из-за ширмы в расшитом белыми волками парчовом халате. Его черты ослепительно сияли подобно отполированному нефриту, и, увидев его, Дуань Лин невольно почувствовал, как настроение улучшается.

Лан Цзюнься распорядился подать еду. Сяньбэйцы традиционно едят жареное мясо с листьями шисо. Он снова тщательно вымыл руки, лично завернул Дуань Лину еду в листья, налил ему стакан сладкого оленьего молока и стал услужливо кормить его.

Наблюдая за изысканными манерами Лан Цзюнься, Дуань Лин подумал: «Вот как должен

вести себя настоящий правитель». Не то что он сам, избалованный и своевольный, больше напоминающий дикаря.

— Нам стоит поменяться ролями, — усмехнулся Дуань Лин. — Ты словно ханьский наследник, а я — князек варваров из племени И*.

* И (ицзу) — народ, проживающий на территории Китая в провинциях Юньнань, Сычуань, Гуйчжоу, и в Гуанси-Чжуанском автономном районе, а также во Вьетнаме в провинциях Хазянг, Каобанг и Лаокай.

— Хоть понимаешь, — в глазах Лан Цзюнься мелькнула усмешка. — Здесь все твое любимое.

— Ты ведь заранее знал, что мы с У Ду в том ущелье? — заподозрил Дуань Лин. — Как иначе ты все так быстро подготовил? Наверняка нашел нас еще прошлой ночью, вернулся на Бэнь Сяо, все обустроил, а потом притворился, будто только прибыл.

Лан Цзюнься слегка приподнял бровь, не отвечая. Возможно, почувствовав настроение Дуань Лина, он стал мягче, уговаривая его съесть больше.

— Ты ведь не разоришься после такого застолья? — Дуань Лин окинул взглядом стол, ломившийся от деликатесов, которых не найти даже в ханьском императорском дворце: олени сухожилия, нежные языки косули. Неизвестно, сколько поваров трудилось над этим. В его представлении клан Улохоу в горах Сянбэй был беден. Как бы после приема наследного принца Южной Чэнь Лан Цзюнься не растерял все свое состояние — стыд-то какой!

— Мы в долгу, — невозмутимо произнес Лан Цзюнься. — Ты даровал Улохоу горы Сянбэй, отменил пошлины и одарил сокровищами. Так что это малая часть благодарности.

— Горы Сянбэй и так ваши, — Дуань Лин, наевшийся до отвала, уставился на тарелку с желе из цветков сливы, прикидывая, сколько кусков сможет в себя еще впихнуть.

Когда трапеза наконец завершилась, Лан Цзюнься заварил ему женьшеневый чай. Прихлебывая напиток, Дуань Лин промолвил:

— В прошлом это ханьцы вам задолжали.

— Перед нами в долгу были ханьцы, а не ты.

Дуань Лин рассмеялся:

— Я тоже ханец. Самый что ни на есть ханец.

Лан Цзюнься невозмутимо продолжил:

— Ты сянбэй.

Дуань Лин изумленно взглянул на него.

Они уставились друг на друга. Дуань Лин чуть не выплюнул чай, и Лан Цзюнься спокойно добавил:

— С того дня, как мы встретились, я видел в тебе сянбэйца и никогда не считал тебя ханьцем.

Дуань Лин подумал, что если эти слова кто-нибудь услышит, дело не ограничится двадцатью ударами палкой. Но услышав такое от Лан Цзюнься, он все же обрадовался — будто тот признал некую связь между ними.

— Встань, пройдишь, чтобы пища усвоилась, — сказал Лан Цзюнься.

— Я хочу лежать, — ответил Дуань Лин, сытый до отказа и не желавший шевелиться.

— Пройдишь немного, — настаивал Лан Цзюнься.

— Буду лежать, — упрямо повторил Дуань Лин.

Слуги убрали стол, и Лан Цзюнься, не в силах переубедить его, сдался, позволив юноше остаться в постели. На улице стоял такой мороз, что Дуань Лин скорее умер бы, чем вышел наружу.

— Пойдем, покажу тебе звездопад, — снова предложил Лан Цзюнься.

— Не хочу, — Дуань Лин не поддавался на уговоры.

Лан Цзюнься молча сел на край кровати, доел остатки еды и, закончив, слегка устало вздохнул. Дуань Лин украдкой взглянул на него — он понял, что Лан Цзюнься хочет прилечь рядом.

Они уже давно не проводили время наедине. После того как Дуань Лин сблизился с У Ду, он действительно стал уделять Лан Цзюнься меньше внимания.

Он подвинулся к краю кровати, освобождая место, и Лан Цзюнься полулег, свесив ногу с постели.

— Я скоро уйду, — сказал Лан Цзюнься.

— Это твой дом, — возразил Дуань Лин. — Ты правитель Улохоу.

— Я правитель Улохоу, но мой правитель — ты, — спокойно произнес Лан Цзюнься, глядя на Дуань Лина.

— Иногда думаю... Может, тебе стоит вернуться и возглавить сяньбэйцев... — начал Дуань Лин.

— Я не просился назад. Не решай все по своему усмотрению.

Дуань Лин не выдержал смешка, повернулся на бок и стал разглядывать профиль Лан Цзюнься.

— Тебе здесь нравится? — снова спросил Лан Цзюнься.

— Нравится, — ответил Дуань Лин.

Тишину нарушал лишь шорох падающего снега в горах.

— Можешь приезжать чаще, если нравится, — предложил Лан Цзюнься.

Дуань Лин покачал головой:

— Каждый раз, когда я появляюсь, вся деревня суетится вокруг меня. Люди крутятся, сбиваясь с ног. Если я приеду еще раз, то только доставлю тебе больше хлопот.

— Мне нечем тебя одарить, — сказал Лан Цзюнься. — Лишь могу принимать тебя как гостя. Разве это проблема?

— М-м, — Дуань Лин, уже клевавший носом, укутался в одеяло, которое поправил Лан Цзюнься. Зевнув, он закрыл глаза.

Лан Цзюнься замер, неотрывно наблюдая за ним.

Неизвестно, сколько времени прошло, как вдалеке внезапно раздались приглушенные крики. Лан Цзюнься мгновенно поднял голову, глубоко нахмутив брови.

Кто-то снаружи громко выкрикнул что-то на сяньбэйском языке. Лан Цзюнься стремительно прыгнул с кровати подобно порыву ветра, и Дуань Лин тут же проснулся.

Когда юноша открыл глаза, Лан Цзюнься уже облачился в черный боевой халат, прикрепил к поясу кинжал, а ремень обвил вокруг груди, скрывая его под одеждой.

— Кто там? — повернув голову, прислушался Дуань Лин. Быть неугомонным наследным принцем имело и свои плюсы — в опасности он реагировал куда быстрее придворных чиновников. В мгновение ока он спрыгнул с кровати, накинул верхнюю одежду, схватил охотничий лук, проверил его вес, нашел колчан и пересчитал стрелы.

— Не знаю, — ответил Лан Цзюнься. — Уходим через заднюю дверь.

— Какой еще «уходим»?! В бой!

— Ты... — нахмурился Лан Цзюнься. — С каждым днем ты становишься все более непослушным!

Поев угощений сяньбэйцев, как мог Дуань Лин просто сбежать? Если бы не война ханьцев с Корё, пламя битвы вновь не охватило бы горы Сяньбэй. На этот раз бегство было немыслимо.

— Это не может быть крупный отряд, — заявил Дуань Лин. — Местность слишком сложная для размещения войск. Максимум — разведывательный отряд, численность не превысит сотни. Справимся.

В крошечной тьме все сяньбэйские охотники вышли на защиту. Когда Дуань Лин и Лан Цзюнься выбежали наружу, вокруг царил хаос. В темноте невозможно было разглядеть численность противника.

— Организуйте оборону! — скомандовал Дуань Лин. — Мечники вперед, лучники на крыши — прикрывайте нас!

Враги, казалось, были хорошо обученными разведчиками, но принадлежность их оставалась неясной. Они перешли в атаку. Как и предполагал Дуань Лин, их численность не превышала сотни, но даже в этом случае жителям деревни будет трудно от них отбиться.

— Я пойду вперед, а ты отступай, — сказал Лан Цзюнься.

Дуань Лин послушно отступил, и Лан Цзюнься, сжимая меч в обеих руках, растворился в ночи, словно тень. Вскоре раздались болезненные вопли. Дуань Лин нервно считал: семнадцать врагов пали под ударами Лан Цзюнься, и противник, запаниковав, начал отступать.

Но затем грянул новый хаос. Со всех сторон зазвучали боевые рога, а грохот копыт сотряс землю.

«Неужели монголы?!» — с ужасом подумал Дуань Лин. Что происходит?

— Осторожно! — грозно крикнул голос Лан Цзюнься.

В темноте сверкнула острая стрела и со свистом устремилась к Дуань Лину. Он резко повернул голову, и вторая стрела уже летела прямо в него. С криком «Ах!» он разрубил первую стрелу пополам.

Дуань Лин воскликнул, увидев, как двое врагов перемахнули через ограждение и бросились на него. В тот же миг тяжелый меч, вращаясь в воздухе, с грохотом врезался в нападавших, отшвырнув их назад, и оба противника рухнули на землю, истекая кровью.

Раздался пронзительный свист.

Из-за конюшни вскинул голову Бэнь Сяо, сорвал узду и помчался по улице к Дуань Лину. Глаза юноши расширились от изумления. Он уже открыл рот, чтобы крикнуть, но конь уже был рядом, перепрыгнул забор и принялся топтать врагов копытами.

Вслед за этим появился воин в полных доспехах и с алебардой наперевес сметал оружие, расчищая себе путь. Боевые сапоги с глухим стуком вдавливали очередного противника, а от взмаха древкового оружия враги падали на землю, словно бумажные куклы.

Не успел Дуань Лин крикнуть, как воин уже оказался перед ним, подхватил его на плечо и швырнул на спину Бэнь Сяо. Сорвав шлем, он надел его на голову юноши, а затем ловко вскочил в седло сам.

— Папа! — Дуань Лин приподнял шлем и закричал.

Ли Цзяньхун, выглядя очень серьезным, подобно неприступной горе заслонил своей величественной фигурой сына, принимая на себя град летящих стрел.

III. Все реки царства устремлены на юг

С незапамятных времен над северными небесами простиралась бесконечная Серебряная река. Нежный свет северного сияния, словно парчовая ткань, озарял течение времени от древности до наших дней. Дуань Лин вспомнил, как У Ду говорил, что ненавидит ночи за их непроглядную тьму.

Но сам он иногда любил ночные часы — за россыпи звезд, редкую тишину, мимолетные мгновения уединения и безбрежность грез.

Как сейчас, обняв отца за талию и прижавшись к его мощной спине, в ушах звенел топот копыт

по снегу, а лязг доспехов сливался с нежным шепотом ночи — долгим, дробным, бесконечным.

Среди горных хребтов медленно восходило солнце, наполняя мир красками.

В ушах Дуань Лина вновь зазвучал давно забытый гул человеческой суеты — возвращение из диких гор в дымящиеся жизнью города всегда казалось ему путешествием сквозь время.

С момента тайного следования за войсками, покинувшими Цзянчжоу, прошло уже три месяца. Когда У Ду спросил, скучает ли он по родным местам, Дуань Лин лишь пожал плечами — разве дом не там, где отец и У Ду?

Ли Цзяньхун сохранял мрачное выражение лица, излучая еще более грозную ауру, чем обычно. По прибытии в лагерь в Байхэ он вскинул Дуань Лина на плечо, словно какое-то животное. Юноша тут же очнулся и начал вырываться, но отец пронес его через штаб и швырнул на кушетку в главном зале.

— Что, не веришь, что я забью тебя до смерти?! — гневно произнес Ли Цзяньхун.

Дуань Лин зевнул, кутаясь в одеяло. Ли Цзяньхун, кипя от ярости, сорвал наручи и доспехи, швырнув их на пол с оглушительным лязгом.

— Ты... — Ли Цзяньхун, скинув латы, шагнул вперед. Дуань Лин мгновенно нырнул под одеяло, высунув лишь глаза, чтобы следить за отцом.

— Хватит меня ругать! — взмолился Дуань Лин. — Я спать хочу!

Ли Цзяньхун пристально смотрел на него.

— Иди сюда! — мрачным тоном приказал он.

Снаружи отозвался и поспешно вошел Чан Люцзюнь. Ли Цзяньхун продолжил:

— Объявить всей армии: наследный принц найден. У Ду не выполнил свой долг. Хотя он уже на задании, воинский устав незыблем. Понизить на три ранга. По возвращении будет избит палками...

Дуань Лин резко сбросил одеяло и вскочил:

— Хватит наказывать У Ду!

— Если бы не он, кто бы таскал тебя повсюду, позволяя постоянно попадать в неприятности?

Это не пустяк! Что, если бы ты попал в руки монголов?

— Тогда царил полный хаос! — нахмурившись, возразил Дуань Лин. — В момент засады как отличить врагов от своих? Даже полководец в бою может послушаться приказа императора! А ты его наказываешь!

— Если бы он не потакал всем твоим прихотям, — взревел Ли Цзяньхун, — ты бы не сбежал из Цзянчжоу сюда! Это чистейший беспредел!

— Ты не можешь хоть как-то проявить благоразумие?! — закричал Дуань Лин. — Я сам ушел! Какое отношение это имеет к нему?!

— Немедленно вызовите У Ду обратно! — рявкнул Ли Цзяньхун на Чан Люцзюня.

— Если тронешь его снова — я уйду! — в ярости парировал Дуань Лин.

Чан Люцзюнь молчал.

Он переводил взгляд с Ли Цзяньхуна на Дуань Лина, не зная, как поступить. Ли Цзяньхун тяжело дышал, а Чан Люцзюнь медленно отступал к выходу:

— Тогда... ваш слуга отправится чуть позже.

Не договорив, Чан Люцзюнь с шумом рванул прочь.

— Хватит, — Ли Цзяньхун прорычал сквозь гнетущую тишину, его голос звенел яростью. — С тех пор, как этот тип появился рядом с тобой, мы только и делаем, что ссоримся...

Дуань Лин сидел с мрачным лицом, стиснув зубы от злости.

— От твоего прежнего послушного и учтивого нрава не осталось и следа, — ледяным тоном продолжил Ли Цзяньхун. — Всю жизнь я желал лишь твоего счастья. А ты, под его влиянием, стал безрассудным, лезешь в опасности, заставляя меня сходить с ума от страха...

— Это я совершил ошибку, — упрямо огрызнулся Дуань Лин. — Он ни при чем. Раньше ты и слова грубого не говорил, а с тех пор, как У Ду со мной, только и ищешь повод его упрекнуть. Если ты кого-то невлюбишь, все, то что он делает, будет неправильным. Когда в будущем достану тебя по полной, сам исчезну с твоих глаз долой, чтобы не раздражать.

Ли Цзяньхун молчал.

Сказав это, Дуань Лин повалился на кушетку, отвернулся к стене и начал дуться, демонстративно игнорируя отца.

Ли Цзяньхун, смирившись, сел за стол и тяжело вздохнул. Его грозная аура наконец поутихла.

Спустя мгновение Дуань Лин пошевелился, и Ли Цзяньхун спросил:

— Проголодался? Завтракать будешь?

Дуань Лин еще сильнее съежился у стены, украдкой взглянув на отца. Тот сидел за столом, расставив ноги, и в одиночестве пил вино.

— Хоть бы выбрал кого-нибудь попривлекательнее, — проворчал Ли Цзяньхун.

Дуань Лин проигнорировал его, перевернувшись на другой бок.

— Блинов хочешь? — снова начал Ли Цзяньхун. — Если захочется пить — вставай.

Только тогда Дуань Лин поднялся. Ли Цзяньхун изящными пальцами подал ему чашку чая, и он осушил ее залпом.

— Еще, — буркнул он.

Ли Цзяньхун снова поднялся, чтобы налить ему чаю. Когда их взгляды встретились, в глазах Дуань Лина все еще пылал гнев.

— Посмотри на себя. Тебе так и хочется сразиться с отцом насмерть, — равнодушно бросил Ли Цзяньхун, протягивая вторую чашку.

Дуань Лин выпил и потребовал еще:

— Лучше бы я сразился насмерть с кем-нибудь другим.

— Вот этого допустить никак нельзя, — сказал Ли Цзяньхун. — Неужели оставишь меня одного горевать в этом мире? И тебе не жаль?

Услышав это, глаза Дуань Лина мгновенно покраснели.

Ли Цзяньхун продолжил:

— Глядя на твой взгляд, полный смертельной вражды, думаю: если я умру первым, ты, скорее всего, все же опечалишься. Если же уйдем вместе — не будет этих ссор. В следующей жизни я стану твоим сыном, а ты — моим отцом. И тогда я потребую все сполна, чтобы ты узнал, каково это.

Дуань Лин рассмеялся. В этом мире, если он и мог на кого-то держать обиду, то уж точно не на Ли Цзяньхуна. Этот смех стал их молчаливым примирением.

— Эй, — позвал Дуань Лин.

— Кого это ты эйкаешь? — Ли Цзяньхун подал ему третью чашку чая. Юноша отхлебнул лишь половину и отставил ее.

— Папа, — снова окликнул Дуань Лин.

Ли Цзяньхун приподнял бровь, давая понять, чтобы тот продолжал. Дуань Лин неловко сидел, внезапно возненавидев себя. Изначально, когда Ли Цзяньхун отправился в поход, он взял с собой У Ду и Чан Люцзюня. Ли Яньцю же остался управлять государством в качестве регента вместе с Дуань Лином, а Лан Цзюнься и Чжэн Янь охраняли их. Но Дуань Лин, беспокоясь за Ли Цзяньхуна и тоскуя по У Ду, испугался, что разлука затянется на год, и тайком спрятался в повозке, последовав за войсками.

Лан Цзюнься долго преследовал их, пока наконец не догнал. В тот момент Дуань Лин как раз охотился на зайцев в лесу, был пойман с поличным и, соединившись с армией, вцепился в Ли Цзяньхуна так, что тому пришлось взять молодого господина с собой.

— Я изначально хотел... — начал Дуань Лин. — Неважно.

Он собирался сказать: «Я последовал за тобой, потому что не могу без тебя», но, понимая, что уже не ребенок, постыдился своей навязчивости.

Ли Цзяньхун сидел на кровати перед Дуань Лином, спиной к нему, и сказал:

— Помни отцу плечи.

Дуань Лин усердно принялся массировать его плечи и руки, поглаживая по больным мышцам. Ли Цзяньхун слегка поморщился.

Дуань Лин произнес:

— В день твоего отъезда мне снился тот год в Шанцзине.

— Какой? — рассеянно спросил Ли Цзяньхун.

— Тот самый, — ответил Дуань Лин. — Мне снилось, как ты пришел меня спасти, но на улице за двором тебя застрелили из лука.

— Ты явно грезил о том парне. Думаешь, я ребенок, которого можно обмануть такой небылицей? — усмехнулся Ли Цзяньхун.

— Правда! — взволнованно произнес Дуань Лин. — Еще сон был таким длинным... Тогда я не знал, что тебя не стало, и пробирался сквозь метель в Сычуань. Лан Цзюнься сбросил меня в реку, но У Ду спас.

— Ну ты глянь, — фыркнул Ли Цзяньхун. — Что ты все к Улохоу Му придираешься? И ты говоришь, что это я обижаюсь?

— Ты слушать будешь? — огрызнулся Дуань Лин.

Дуань Лин дернул за красный шнурок с нефритовой дугой, обвивавший мощную шею Ли Цзяньхуна, и сжал его горло. Ли Цзяньхун поспешно взмолился о пощаде, и тогда юноша притянул его ближе, повалил на ложе и уселся верхом на его талии, принявшись массировать лицо отца. Красивое лицо Ли Цзяньхуна помялось под пальцами Дуань Лина, и он вздохнул от удовольствия.

Дуань Лин взял полотенце, положил его на лоб отца, а сам устроился у края кровати:

— Во сне все меня обижали. Цай Янь выдал себя за меня и занял место наследного принца.

— Этот Улохоу Му и вправду заслуживает казни, — произнес Ли Цзяньхун, уголки его губ дрогнули в усмешке. — А вот У Ду, наоборот, такой преданный...

Дуань Лин продолжил массировать колени, ноги и суставы отца, чтобы снять напряжение, пересказывая подробности того кошмара: от подножия гор Сянбэй до Сычуани, а затем Цзянчжоу, Хэбэй... Посреди рассказа он решил, что Ли Цзяньхун уснул, и понизил голос, но все равно продолжал бормотать себе под нос:

— Бату повел двадцать тысяч воинов осадить мой город...

— Я все еще слушаю, — неожиданно отозвался Ли Цзяньхун.

Дуань Лин разминал его пальцы, когда Ли Цзяньхун вдруг перевернул ладонь, переплел свои пальцы с его и слегка потряс их. Затем высвободил руку, нежно погладил лицо юноши и щипнул его за щеку.

И так Дуань Лин продолжил рассказ, погруженный в тот сон, и даже закончив, все еще не мог выйти из этого состояния.

— На этом все, — сказал Дуань Лин, забравшись на кушетку и сняв полотенце с глаз отца. Но вместо ожидаемого увидел, что глаза Ли Цзяньхуна покраснели. Они молча уставились друг на друга.

Дуань Лин удивленно смотрел на него.

Ли Цзяньхун потянулся, сел, скрестив ноги, обнял Дуань Лина и прислонил голову к его плечу. Нефритовая дуга на его обнаженной груди качнулась, коснувшись такой же дуги на шее юноши, и камни слились в мягком сиянии.

— И ты ничего не скажешь? — спросил Дуань Лин.

— Что можно сказать о сне? — Ли Цзяньхун странно посмотрел на него. — Пошли, поупражняемся в боевых искусствах.

Дуань Лин, не находя слов, последовал за отцом на тренировку. Близился вечер, и снег поблескивал золотом.

— Пап, — в середине упражнения Дуань Лин повернулся вместе с Ли Цзяньхуном. Тот, сосредоточенно следя за спиной сына, ладонью выпрямил ему поясницу.

— Да, сынок, — Ли Цзяньхун явно был чем-то обеспокоен.

— Перестань наказывать У Ду, — остановившись, умоляюще произнес Дуань Лин.

— Ладно, ладно, — сказал Ли Цзяньхун. — Из всех на свете Ваше Высочество Ли Жо — величайший. Как скажете, так и будет.

— Из всех на свете величайший — это ты, — ворчливо ответил Дуань Лин. — Тебе просто невыносимо видеть, как я к кому-то добр.

— Конечно невыносимо, — недоумевал Ли Цзяньхун, поманив пальцем, чтобы Дуань Лин атаковал. Они продолжили спарринг, перемежая удары словами. — Только сейчас догадался? Этот негодяй выкрал тебя у меня, а как же я?

Дуань Лин не знал, смеяться ему или плакать — ни в схватке, ни в споре он не мог превзойти отца.

— Может, кастрировать его? — предложил Ли Цзяньхун.

Дуань Лин потерял дар речи

— Или можем сделать все по-честному, — серьезно продолжил Ли Цзяньхун. — Как-нибудь я тоже...

Он хотел добавить: «Как-нибудь я тоже найду себе возлюбленную», но мысль о покойной жене внезапно омрачила его. Дуань Лин, конечно, понял намек, и лицо его мгновенно потемнело. Ли Цзяньхун поспешно сменил тему:

— Не делай другим того, чего не желаешь себе. Неужели не можешь на мгновение остановиться и подумать о моих чувствах?

— Это совсем другое, — мрачно пробурчал Дуань Лин, застыв в снегу. Ли Цзяньхун, поняв, что зашел слишком далеко, с раскаянием принялся клясться, что не имел такого в виду, но юноша все равно оставался угрюмым.

— Ладно, ладно! — теперь настала очередь Дуань Лина взорваться. — Хватит! Я уже все забыл!

— Хорошо, — Ли Цзяньхун, поняв, что перегнул палку, поспешил загладить вину. — У Ду не будем понижать в звании.

Лишь тогда Дуань Лин немного обрадовался. С наступлением ночи он все же тревожился о том, как сейчас обстоят дела у У Ду, но после ужина Ли Цзяньхун увел сына в покои.

— Не собираешься созвать совет и спланировать следующую битву? — спросил Дуань Лин.

— Голова болит, — ответил Ли Цзяньхун. — Неохота воевать. Здесь есть кровать, так что давай сегодня поспим. Разберемся завтра.

С этими словами он швырнул сына на постель, а сам растянулся рядом и уснул.

IV. Белая радуга и огненный ореол рассвета освещают долгую ночь

Я хочу сражаться!

У Дуань Лина возникло ощущение, что с тех пор, как он отправился в этот поход, он только и делал, что спал. Теперь, расквартировавшись в Байхэ на пике зимних морозов, нужно было как можно скорее закончить эту войну.

Издали донесся шум. Дуань Лин осторожно приподнялся, но Ли Цзяньхун мгновенно проснулся и резким движением прижал его.

— Куда? — полулежа спросил Ли Цзяньхун, прикрывая ладонью глаза. Видно, сон еще не полностью отпустил его.

— Пройдусь немного, — ответил Дуань Лин. — Я ничего не натворю.

Ли Цзяньхун ухватился за рукав сына, и только после обещания не выходить за пределы лагеря он отпустил его.

В лагере царил солнечный день. Часовые почтительно кланялись Дуань Лину. Потягиваясь, он вышел на плац, где Чан Люцзюнь и Му Цин, смеясь, лепили снежки и бросались ими друг в друга. Очередной снаряд угодил прямо в лицо Чан Люцзюню, засыпав его с головы до ног снегом.

Дуань Лин, развеселившись, присоединился к ним. Сначала Чан Люцзюнь наблюдал со стороны, позволяя Дуань Лину и Му Цину бросаться снежками, но вскоре, заметив, что Дуань Лин, закаленный тренировками, явно превосходил Му Цина, не удержался и вступил в бой. С его появлением ситуация мгновенно переломилась.

— Вы двое против одного! — возмутился Дуань Лин. — Это нечестно!

Услышав шум, подоспел Лан Цзюнься, и игра превратилась в хаотичное месиво, завершившись грандиозным погромом.

— Мы давно тебя искали! — Му Цин, весь в снегу, обратился к Дуань Лину. — Твой отец с ума сходил от волнения!

— Что я могу поделать? — развел руками Дуань Лин.

Му Цин занял должность штабного писаря и отправился вместе с Чан Люцзюнем в поход на север, как и Дуань Лин, настояв на участии в кампании. В пути он даже не раз прикрывал Дуань Лина. Для Му Цина это был первый военный поход, но благодаря опеке Чан Люцзюня ему пока удавалось избегать неприятностей.

— Каков план? — спросил Лан Цзюнься.

— Без понятия, — развел руками Дуань Лин. — Пусть отец решает. Когда атаковать, когда возвращаться — все неясно.

Он понимал: учитывая характер Ли Цзяньхуна, тот решительно не станет затягивать.

Молчание сейчас, возможно, означало, что все уже подготовлено, и оставалось лишь дождаться часа атаки.

Они вчетвером сидели в ряд перед армейским лагерем. Чан Люцзюнь велел кухне приготовить имбирный суп с красной фасолью, и все принялись за горячее угощение.

— Цин-эр, — Дуань Лин, заметив задумчивость Му Цина, окликнул его.

— М-м? — Му Цин поднял взгляд. После того как клан Му был разгромлен объединенными силами Ли Цзяньхуна и Ли Яньцю, Му Цин узнал, что его настоящий отец — Чан Люцзюнь. Смена статуса далась ему нелегко, и лишь благодаря покровительству Дуань Лина его не привлекли к ответственности.

Му Цин, будучи обладателем ученой степени и занимая чиновническую должность, хоть и получил помилование от Ли Цзяньхуна, но все же подвергся пересудам при дворе. Теперь же, когда телохранителем наследного принца стал его отец, слухи достигли небывалого размаха — отношение к нему разительно отличалось от времен, когда его отцом был Му Куанда.

— Хочу сражаться, — сказал Му Цин.

— Я тоже, — безучастно отозвался Дуань Лин.

Они вдвоем чертили схемы на заснеженном столе, анализируя местность. Главной проблемой было незнание расположения врага — любое передвижение войск могло обернуться засадой. Дуань Лин несколькими штрихами изобразил горный рельеф, и Му Цин, понаблюдав, наклонил голову:

— Можем пройти по глубине ущелья. Думаю, их лагерь точно за озером Иньлан.

— Откуда ты знаешь? — спросил Дуань Лин.

— Позавчера ночью Чан Люцзюнь водил меня искать тебя там, — ответил Му Цин. — В лесу не было ни птицы. Да и на озере я видел следы — будто лед разбили, а потом он снова замерз.

Дуань Лин обвел обширную область на карте:

— Но даже если они стоят у озера Иньлан, эта территория огромна. Точное расположение нам неизвестно.

— Сходим проверим, — не ведая страха, предложил Му Цин. — Я докладывал в штаб, но они мне не верят, считают неопытным.

— Ты смерти ищешь, — холодно бросил Лан Цзюнься.

Чан Люцзюнь поспешно добавил:

— Прошлый инцидент еще не забыт, еле уладили. Если сейчас снова покинем лагерь, ты подставишь Его Высочество!

Дуань Лин задумчиво переглянулся с Му Цином.

— Ладно, — сказал он. — Выделю тебе отряд для разведки.

— Это... — Чан Люцзюнь нахмурился, взглянув то на Му Цица, то на Дуань Лина.

— Я возьму бумагу и кисть, — вмешался Му Цин. — Двадцати человек хватит. Если найдем лагерь Корё — дело сделано.

— Ты серьезно? — спросил Чан Люцзюнь.

Лан Цзюнься не возражал — главное, чтобы Дуань Лин не сбежал. Двадцать человек не проблема, к тому же у наследного принца была власть распоряжаться четырьмя великими убийцами. Достаточно печати Восточного дворца, и Ли Цзяньхун не станет противиться.

— Срок — двое суток, — объявил Дуань Лин. — Если разведка не даст результатов, возвращайтесь строго по истечении времени.

Предложение идеально совпало с желаниями Му Цица. Участвуя в походе, он жаждал отличиться, чтобы прекратить пересуды придворных, и Дуань Лин, понимая это, немедленно подписал приказ, разрешив Му Цицу выдвинуться с отрядом. Во всяком случае, за ним будет присматривать Чан Люцзюнь, так что мало что может случиться.

Обсудив детали, Дуань Лин уже выстроил в голове план внезапной атаки. Оставалось лишь дожидаться разведанных и убедить отца.

Ли Цзяньхун, к удивлению Дуань Лина, всегда действовал с крайней осторожностью. Зато его мягкий и учтивый брат Ли Яньцю мыслил как Дуань Лин — атаковал без промедления. Даже при дворе, если ему что-то не нравилось, он мог схватить вазу и без раздумий бросить ею в чиновника.

Многолетний полководческий опыт Ли Цзяньхуна сформировал уникальный стиль, часто вступающий в противоречия с идеями сына. Убедить его полностью было нелегкой задачей.

Итак, Дуань Лин отправился убеждать Ли Цзяньхуна, взяв с собой план, разработанный вместе с Му Цинем. Тем временем Му Цин и Чан Люцзюнь покинули лагерь, чтобы разведать обстановку у озера.

— Ты же ученый, — мрачно буркнул Чан Люцзюнь. — Семья Сунь наконец дождалась образованного потомка, способного прославить род. Зачем тебе бегать с наследным принцем и связываться во все эти разборки?

— Мне это нравится, — ответил Му Цин, все еще неспособный воспринимать Чан Люцзюня как отца. Привычка командовать им, как когда-то слугой, сохранилась с детства.

Что касается Чан Люцзюня, он был счастлив самому факту воссоединения с сыном. Конфуцианские нормы его мало волновали. Хотя внешне он продолжал ворчать, в душе радовался возможности служить Му Цину, даже если это значило быть его вьючным ослом.

Чан Люцзюнь облачился в черную ночную одежду, и с Байхунцзянем на поясе его мощная фигура возвышалась за спиной Му Цина, словно тень, отбрасываемая юношей на стене. Люди, отправленные Дуань Лином, были лучшими бойцами Южной Чэнь. С такой охраной вокруг Му Цина проблем возникнуть не должно.

Му Цин развернул коня, свистнул и во главе отряда и в сопровождении Чан Люцзюня покинул лагерь, растворившись в сумерках. Солнце клонилось к закату. У озера Иньлан образовался толстый слой льда, и отряд рассредоточился в лесу на берегу. Му Цин спешил и вместе с Чан Люцзюнем медленно двинулся вдоль озера.

— Здесь мы были позавчера, — сказал Му Цин.

Озеро Иньлан погрузилось в зловещую тишину, настолько неестественную, что по коже бежали мурашки. Чан Люцзюнь поднял указательный палец к губам, сделал жест «тише» и, взяв Му Цина за руку, повел его вглубь леса.

С наступлением ночи Ли Цзяньхун собрал военный совет.

— У Ду отправился в Сицин, — заявил Ли Цзяньхун. — Разведывает передвижения монголов и корейцев. Пока что остается только ждать.

— Но теперь точно установлено, что армия Корё рядом, — сказал один из офицеров. — После той ночной атаки они не покидали южных склонов гор Сянбэй. Ваше Величество планирует дожидаться подкрепления монголов перед решающей битвой?

— Именно, — подтвердил Ли Цзяньхун. — Цель этого северного похода — разрушить их союз. Даже если мы сейчас отбросим армию Корё, на обратном пути нас наверняка будет поджидать засада монголов.

Дуань Лин стремительно вошел в шатер, и все офицеры почтительно поклонились. Юноша и Ли Цзяньхун обменялись взглядами.

— Я отправил отряд на разведку к озеру Иньлан, — заявил Дуань Лин. — Результаты будут не позже завтрашнего дня.

Услышав это, Ли Цзяньхун резко нахмурился.

— Зачем ты отправил их к озеру Иньлан?

Дуань Лин кратко изложил ситуацию, и Ли Цзяньхун возразил:

— Район озера удобен для атаки, но сложен для обороны. К тому же позади — сплошные скалы. Корейцы никак не смогут преодолеть горы и прийти сюда.

После нескольких горячих пререканий между Дуань Лином и Ли Цзяньхуном офицеры поспешили удалиться, чтобы избежать участия в ссоре между наследным принцем и императором.

— Посмотрим, что будет дальше! — Дуань Лин иногда буквально терял дар речи от отцовских упреков.

— Кого ты послал? — мрачно спросил Ли Цзяньхун, сдвинув брови.

— Чан Люцзюня и Му Цина. Никто из вас бы не поверил Му Цину.

Ли Цзяньхуну пришлось отступить, и Дуань Лин продолжил:

— Если мы что-нибудь узнаем от них, то завтра начнем полномасштабное наступление?

— Мы ждем У Ду, — ответил Ли Цзяньхун. — Наша цель не только Корё, но и монголы. Если они придут на помощь, мы уничтожим обе армии одним ударом.

Дуань Лин не ожидал, что амбиции Ли Цзяньхуна превзойдут его собственные.

— Но я еще не готов к решающей битве с Бату... — начал Дуань Лин.

— Решающая битва неизбежна, — Ли Цзяньхун пристально посмотрел на сына. — Пока я еще жив, тебе не придется взваливать все на свои плечи.

Дуань Лин почувствовал, как дрогнуло сердце, и ему пришлось кивнуть. Ли Цзяньхун, судя по всему, все подготовил, чтобы лично отправится на трехлетнюю войну ради Дуань Лина. Юноша никогда не сомневался в способностях отца — ведь всю жизнь, возглавляя походы, он не потерпел ни одного поражения.

На берегу озера Иньлан наступила глубокая ночь, и Му Цин, охваченный паранойей, беспокойно озирался по сторонам.

— Чан Люцзюнь, — позвал он. — Посмотри, что там.

— Ничего, — раздраженно бросил Чан Люцзюнь. — Вечно ты мечтаешь о великих подвигах.

Му Цин всегда обращался к Чан Люцзюню по имени, и тот никогда не возражал. Дуань Лин несколько раз поправлял его, но Му Цин так и не смог привыкнуть к формальностям.

— Если до ночи ничего не найдем, — сказал Чан Люцзюнь, — придется возвращаться.

— Ладно, — уныло ответил Му Цин. Он снова ошибся в расчетах. Но откуда взялись те дыры во льду? После их ухода выпал обильный снег, скрыв все следы.

Чан Люцзюнь устроился в укрытии от ветра, поправил меховой плащ на Му Цине и, прислонившись к дереву, устремил взгляд в темную чащу. Солдаты разошлись на поиски, оставив их вдвоем коротать ночь в глухом лесу.

— Может, в следующий раз не будем так делать? — спросил Чан Люцзюнь.

— А я разве не ради тебя стараюсь? — вздохнул Му Цин.

— Что значит «ради меня»?

— Чжэн Янь умеет готовить, У Ду — воевать, Улохоу Му — убивать, — скучающим тоном произнес Му Цин. — А ты вечно ходишь за мной. Тебе бы следовать за Ван Шанем. Среди дворцовых стражей только ты редко получаешь задания.

— Как это редко? Я... — Чан Люцзюнь смотрел на Му Цина в полном недоумении, собираясь возразить, но вдруг осознал: так оно и есть. После возвращения Ли Цзяньхуна, кроме участия в свержении Му Куанды, он все время крутился вокруг Му Цина. Ли Цзяньхун, понимая, как трудно Чан Люцзюню далось воссоединение с сыном, редко поручал ему опасные миссии.

Му Синь сделал выражение лица «Теперь понял?», и Чан Люцзюнь сдался:

— За кого ты принимаешь Его Величество? Он не так уж и узок в своих взглядах.

— Но придворные сановники так не думают. Ван Шань хорошо ко мне относится, но в конечном счете многие дела все равно приходится решать самим.

Чан Люцзюнь слегка прищурил глаза, словно улыбаясь.

— Чего ты смеешься?

— Скажи, — произнес Чан Люцзюнь. — Позови меня... Дай мне это услышать.

— Что ты хочешь? — спросил Му Цин.

Чан Люцзюнь, казалось, смутился, но в этот момент в лесу зашумел ветер. Из глухой чащи донеслись протяжные завывания, от которых у Му Цина по спине побежали мурашки. Все-таки он был еще мальчишкой, и эти жуткие звуки пробудили в нем леденящий душу страх.

— Не бойся, — сказал Чан Люцзюнь. — Это волки. Я их убью.

Одной рукой сжимая меч, он не встал, продолжая сидеть. Му Цин крепко схватился за край его плаща и напряженно вглядывался во тьму.

В той темноте, казалось, пара глаз следила за их передвижениями.

Вдруг раздался рык — но это был не волк. Из чащи вырвалась темная масса, стремительно бросившись на них! Му Цин вскрикнул от ужаса, и Чан Люцзюнь мгновенно развернулся, прикрывая его собой.

— Не бойся! Это медведь! — резко крикнул Чан Люцзюнь.

Зверем оказался оголодавший за зиму медведь, разинувший красную пасть. Встав на задние лапы, он был на целую голову выше Чан Люцзюня. Хищник бросился на мужчину.

— Берегись! — крикнул Му Цин.

Медведь стремительно атаковал, повалив Чан Люцзюня на землю. Му Цин снова вскрикнул, пытаясь помочь, но воин, выкатившись из-под медведя, взревел:

— Не подходи! Стой на месте! Доверься мне!

Му Цин, сжимая в дрожащих руках кинжал, замер:

— Я... я пойду за помощью!

— Не смей! — кричал Чан Люцзюнь, катаясь со зверем по снегу. Он боялся, что Му Цин, выбежав из леса, попадет в еще большую опасность.

Юноша, напряженно не отрывая глаз от схватки, наблюдал, как Чан Люцзюнь, сделав два шага по стволу дерева, выхватил Байхунцзянь, прочерчивая в воздухе ослепительную дугу.

В мгновение ока он перекувыркнулся через медведя и, занеся меч за спину, вонзил лезвие в шею хищника сбоку.

— Тебе конец! — крикнул Чан Люцзюнь.

Медведь, издав глухой рев, бездыханным грузом рухнул на снег.

Му Цин был так напуган, что у него подкосились ноги. Маска Чан Люцзюня свалилась на снег, и он, тяжело дыша, обернулся:

— Ты в порядке?

Му Цин уже хотел броситься к нему, как вдруг воротник его одежды сдавила чья-то железная хватка.

Му Цин и Чан Люцзюнь ошеломленно смотрели перед собой.

В следующее мгновение из чащи появились десятка теней. Одни оттащили Му Цина назад, а другие синхронно подняли луки в сторону Чан Люцзюня.

— Папа!!! — взвизгнул Му Цин.

Стрелы взмыли в воздух, накрывая Чан Люцзюня стальным ливнем.

V. О пурпурной молнии и ниспадающем золотом сиянии

Ли Цзяньхун в халате мастера боевых искусств восседал на кушетке в зале. В левой руке он держал фарфоровую чашку с чаем, пристальным взглядом изучая карту местности на столе, а правой рукой обнимал Дуань Лина — тот, не снимая верхней одежды, дремал, свернувшись калачиком.

Дуань Лин прождал известий от Му Цина и У Ду полночи. От усталости глаза сами закрывались, и юноша уснул, прильнув к отцовской груди. Даже повзрослев за эти годы, в присутствии Ли Цзяньхуна он по-прежнему вел себя как ребенок.

— Пришли? — сквозь сон пробормотал Дуань Лин.

— Еще нет. Иди наверх, поспи как следует.

Дуань Лин зевнул, нахмутив брови, и Ли Цзяньхун спросил:

— Снова сон?

— В последнее время мне постоянно снятся сны, — мрачно ответил Дуань Лин.

Ли Цзяньхун поднес чашку, напоил его чаем, и когда уже собирался укладывать его в постель, в зале с треском распахнулась дверь. В помещение ворвался высокий стройный убийца и швырнул на пол предмет — оказалось, это была человеческая голова.

Дуань Лин вскрикнул от ужаса, и убийца, не ожидавший увидеть его здесь, тут же воскликнул:

— Я не знал, что Ваше Высочество здесь! Прощу прощения!

Это был голос Чжэн Яня. Дуань Лин нахмурился:

— Чжэн Янь?!

Тот сбросил плащ, обнажив запыленное лицо, и заговорил:

— У Ду убил посла из Корё, но он опоздал — Борджигин Бату уже заключил союз с правителем Корё Ван Джоном. Сейчас они готовятся окружить наши войска. У Ду остался сидеть в засаде, чтобы последовать за ними после того, как они покинут лагерь, и ждет ваших указаний.

— Как я и думал! — воскликнул Ли Цзяньхун. — Приказ всем войскам: сначала перехватить монголов, избавиться от Борджигина Бату, а затем всеми силами атаковать армию Корё!

Лагерь мгновенно пришел в движение — командиры всех рангов бросились собирать солдат. Чжэн Яню поручили остаться с Дуань Лином, и тот с ним и Лан Цзюнься вышел из главного шатра, готовясь выступить вместе с Ли Цзяньхуном.

— У Ду в порядке, — сказал Дуань Лину Чжэн Янь. — Просил передать, что скоро вернется.

Дуань Лин удивленно спросил:

— Как ты здесь оказался?

Чжэн Янь с досадой ответил:

— Разве не ясно? Ваше Высочество ушли без предупреждения, и мы чуть из-за вас не погибли.

Только тогда Дуань Лин узнал, что после его тайного побега из дворца Ли Яньцю пришел в ярость и немедленно отправил Чжэн Яня с Лан Цзюнься в погоню. Чжэн Янь двинулся по восточной дороге, а Лан Цзюнься — по западной. Даже после того, как Лан Цзюнься нашел Дуань Лина, Чжэн Янь, не получая вестей, продолжал спешить на север. Когда в Сюньяне ему наконец сообщили, что Дуань Лин найден, Ли Цзяньхун решил просто взять его с собой в армию в качестве наемного убийцы, чтобы помогать в тайных делах.

— А мой дядя? — неловко поинтересовался Дуань Лин.

— Чуть не умер от гнева, — сказал Чжэн Янь. — Сейчас он в Хуайине пьет чай и велит вам срочно явиться к нему.

Дуань Лин промямлил:

— Я... я вернусь, как только закончится это сражение.

В этот момент Ли Цзяньхун отдал приказ, и весь лагерь мгновенно пришел в боевую готовность. Солдаты схватили оружие и бросились на позиции. Ли Цзяньхун, подкакав на коне, крикнул Дуань Лину:

— Одолжи мне кого-нибудь из твоих подчиненных.

— Кого именно? — спросил Дуань Лин.

— Любого, — ответил Ли Цзяньхун.

Чан Люцзюнь и У Ду уже отправились на задание. Дуань Лин понимал, что отцу, помимо прямого столкновения с противником, нужен еще кто-то для устранения вражеского командира. Помедлив, он сказал:

— Лан Цзюнься, иди ты.

Лан Цзюнься коротко кивнул, вскочил на коня и последовал за Ли Цзяньхуном. Перед тем как

уехать, Ли Цзяньхун многозначительно взглянул на сына.

Дуань Лин поспешно начал оправдываться:

— Чжэн Янь преодолел тысячу ли, чтобы добраться сюда... Пусть хоть немного отдохнет...

Ли Цзяньхун рассмеялся, беззаботно покачав головой, развернул коня и ускакал.

Дуань Лин понимал, что отец прочитал его мысли — выбор Лан Цзюнься был не случаен. Дело не только в отдыхе для Чжэн Яня. Если нужен убийца для устранения кого-то... то это наверняка Бату. Они с детства росли вместе, и Дуань Лин вовсе не желал ему смерти — лишь надеялся, что тот сбежит.

Но Чжэн Янь, не знакомый с Бату, не стал бы щадить врага. Оставалось только надеяться, что в решающий момент Лан Цзюнься проявит милосердие и даст ему возможность уйти.

К полночи лагерь опустел — почти все войска были переброшены. Чжэн Янь, развалившись на сложенных в кучу бревнах, лениво поправлял перчатки, а Дуань Лин нервно шагал туда-сюда, бросая тревожные взгляды на светлеющее небо — от Чан Люцзюня по-прежнему не было вестей.

— Хочешь, я с тобой посплю? — усмехнулся Чжэн Янь.

— Я и так несколько дней подряд только и делаю, что сплю, — ответил Дуань Лин. — Днем сплю, ночью сплю. Все, кто меня видит, только и твердят: «Спи!»*

* В оригинале фраза с двойным смыслом — 谁见谁睡, что может значить как «каждый, кто меня видит, говорит мне идти спать», так и «каждый, кто меня видит, позволяет мне с ним спать».

— Айо, — подколот Чжэн Янь. — Значит, со всеми спишь, а со мной — нет?

— Смерти ищешь! — прорычал Дуань Лин, стиснув зубы. — Смотри, а то мой дядя тебе всыплет!

Чжэн Янь всегда был таким — в присутствии Дуань Лина позволял себе вольности, но стоило появиться кому-то еще, как он мгновенно превращался в образец преданности, готовый умереть за Его Высочество.

— Пожалуйся на меня, пусть отлупят палками сотню раз, — усмехнулся Чжэн Янь. — Если, конечно, сердце не будет обливаться кровью.

— Тогда в следующий раз, когда будут бить У Ду, замени его. Раз уж вы двое такие хорошие приятели...

Не дав ему договорить, Чжэн Янь резко вскочил, выпрямившись во весь рост, и произнес:

— Ваше Высочество, не извольте беспокоиться. Я никогда не допущу, чтобы с вами что-то случилось.

У Дуань Лина не было слов.

Сразу за спиной раздался голос Ли Цзяньхуна:

— Сын мой, когда услышишь горн, выступай следом. Больше никаких самовольных действий.

Чжэн Янь менял настроение со скоростью перелистывания страницы книги. Дуань Лин совершенно не знал, что с ним делать. Повернувшись на звук голоса, он увидел, как Ли Цзяньхун появился специально для краткого инструктажа и тут же умчался командовать войсками.

— Надо кого-то послать к Чан Люцзюню, — сказал Дуань Лин. — Судя по всему, они ничего не нашли.

Чжэн Янь подхватил кожаный мешок, перекинул его через плечо, помог Дуань Лину сесть на коня, а затем ловко вскочил в седло сам.

— Возьми себе другую лошадь, — сказал Дуань Лин.

— Если я поеду один, а ты сбежишь — что мне делать? Его Величество меня обезглавит.

— Обещаю, что не сбегу.

Чжэн Янь пришлось сменить коня. Дуань Лин уже собирался найти гонца, как вдруг из темноты вырвался стражник.

— Где наследный принц?! — крикнул воин, озирая опустевший лагерь. — Мне срочно к Его Высочеству!

Увидев Дуань Лина, он спотыкающимся шагом спешил и завопил:

— Ваше Высочество! У озера Иньлан замечены враги! Господина Му захватили в плен!

Дуань Лин резко дернул поводья, вылетая из лагеря, и Чжэн Янь в ужасе закричал вдогонку:

— Эй! Вы же обещали не своевольничать?!

Но юноша уже растворился в ночи, и Чжэн Янь, скрепя сердце, бросился в погоню, на ходу рывкнув стражнику:

— Немедленно сообщи императору! Пусть вышлет подкрепление!

Глубокой ночью горный лес погрузился в непроглядную тьму.

Чан Люцзюнь, со стрелами в спине, руке и ноге — к счастью, все ранения поверхностные — перевязав раны, укрывшись на дереве, всматриваясь вдаль.

К востоку от озера Иньлан находилась тропа, зажатая меж двух отвесных скал. Именно через этот проход войско Корё проникло в глубь гор Сянбэй. Рассредоточившись, солдаты разбили лагерь без единого костра, дабы не выдать себя врагу.

Прибыл почтовый голубь, и к этому времени стоящие здесь войска уже начали собираться, готовясь вместе с монголами к решающей битве с Южной Чэнь. Ситуация достигла точки невозврата, и обе стороны пытались выиграть время, поскольку от того, кто одержит первую победу, будет зависеть, каким будет мир в следующем столетии.

Чан Люцзюнь глубоко вдохнул, крепче сжав рукоять Байхунцзяня. Заметив вдалеке вражеский шатер, он растворился в ночи, превратившись в черную тень.

Первый глухой хрип — и солдат Корё рухнул на землю. Второй, третий... Все, кто вставал на пути, были со всей силы сражены мечом.

Затем раздался пронзительный крик, и Байхунцзянь слегка отклонился, не добив врага с первого удара — тревога охватила весь лагерь. Резкие крики на корейском языке пронзили темноту, вспыхнули факелы, и солдаты бросились искать убийцу.

Чан Люцзюнь, забыв о скрытности, рванул к центральному шатру, но противник уже поднял тревогу — войска стягивались, чтобы окружить его.

— Мой отец здесь!

В шатре Му Цин, обращаясь к военачальнику Корё, в ярости кричал:

— Отпустите меня! Иначе вы все умрете!

Снаружи царил хаос — Чан Люцзюнь, обогранный кровью, отчаянно сражался. И в этот самый момент с северо-востока вновь донесся шум — еще один отряд солдат ворвался в лагерь!

— За мной! — крикнул Дуань Лин.

Он выпускал стрелы, сея хаос среди вражеских войск, а Чжэн Янь, размахивая девятизвенным стальным ганбянем, крушил все на пути — от ударов лопались кожа и мялись доспехи.

Тут же на востоке лагеря вспыхнуло пламя. Воины Южной Чэнь взревели:

— В атаку!

Несмотря на малочисленность — меньше тысячи бойцов — внезапное нападение оказалось поразительно успешным. С востока начало распространяться пламя, пожирая все вокруг, и среди ржания обезумевших коней Чан Люцзюнь, ухватившись за гриву одного из них, вскочил в седло и хрипло закричал:

— Я иду спасать его!

— Идем вместе! — воскликнул Дуань Лин.

С Чан Люцзюнем и Чжэн Янем он рванул к центральному шатру, с грохотом ворвавшись внутрь.

Му Цин вскрикнул, когда Чан Люцзюнь подхватил его, ловко усадив в седло.

— На юг! — крикнул он, развернув коня. — Там есть узкий проход!

Дуань Лин свистнул — воины тут же начали стягиваться к нему. Чжэн Янь взревел:

— Не выезжайте вперед! Чан Люцзюнь, защищай Его Высочество! За мной!

Чжэн Янь ринулся вскачь к входу в ущелье, где войска Корё спешно собирали силы. Генерал в роскошных доспехах, словно неприступная гора, перекрывал проход.

— Берегись! — крикнул Дуань Лин.

— Прикройте меня! — громко отозвался Чжэн Янь.

Не сбавляя скорости, Дуань Лин на полном скаку натянул лук. Тысячи воинов Южной Чэнь,

будто по единому приказу, выпустили тучу стрел, накрыв вражеских лучников.

Генерал Корё издал рёв, способный расколоть горы — эхо прокатилось по лесу. В ответ Чжэн Янь с пронзительным кличем, полным силы и мощи, ринулся навстречу вражескому военачальнику!

Всадники пронеслись мимо друг друга. В левой руке Чжэн Яня мелькнул Цзыдяньцзиньман — клинок, выхваченный с молниеносной скоростью, прочертил в ночи незримый громовой разряд, и свист рассекаемого воздуха слился с оглушительным раскатом, будто удар грома.

Из шеи вражеского генерала хлынул кровавый фонтан, и отсеченная голова, описав дугу, с глухим стуком ударилась о землю.

Боевой дух солдат Южной Чэнь вспыхнул с новой силой. С единым ревом они ринулись вслед за Дуань Лином, прорвав оборону и ворвавшись в узкую расщелину. Проход вмещал лишь три всадника в ряд — войска Корё, пытавшиеся преследовать их, не смогли протиснуться и сгрудились у входа.

Дуань Лин, уже пробившийся вглубь ущелья, тяжело дышал, подняв большой палец в сторону Чжэн Яня, а тот, со все еще дрожащей от перенапряжения рукой, вложил меч в ножны, с трудом переводя дух.

VI. Рассвет пробудил сына небесного двора

Пронизывающий ветер свистел среди скал, трепыхая развевающиеся знамена. На противоположной стороне оказались монгольские войска — те самые, что готовились к засаде у восточных гор. Но вместо запланированной легкой победы они столкнулись с Ли Цзяньхунуном — непобедимым богом войны Южной Чэнь, за всю историю не имеющим себе равных.

Облаченный с ног до головы в черные железные доспехи Цилян и с Чжэньшаньхэ в руке, Ли Цзяньхун возвышался перед десятитысячным войском подобно незыблемому исполину.

Монгольские войска расступились, и Борджигин Бату выехал вперед, ехидно процедив:

— Как вовремя ты явился! Сначала разгромлю твою армию, Ли Цзяньхун, а потом сражусь насмерть с твоим сыном!

Ли Цзяньхун усмехнулся:

— Пока я жив, у тебя не будет шанса вызвать моего сына на поединок. Борджигин, неужели страх тебя не гложет?

Бату всматривался в противника — страх уже полностью овладел его сердцем. Будь перед ним Дуань Лин, любой военачальник Южной Чэнь или даже Лан Цзюнься — он бы не был настолько напряжен, как сейчас.

Но именно он... Тот, чью мощь Бату запомнил навсегда в ту ночь бегства из Шанцзина. Даже перед смертью отец завещал, что, пока жив Ли Цзяньхун, о не должен вторгаться в Чэнь.

Бату понимал: время еще не пришло, но это был единственный шанс.

Однако все его надежды рассыпались и растаяли перед могуществом этого человека, словно снежинки у его ног. И все же — он обязан был сражаться.

Бату поднял длинный меч, и за его спиной взревели боевые рога.

Ли Цзяньхун произнес:

— Из уважения к дружбе с моим сыном, если попадешь ко мне в руки, сохраню твое тело целым. Всем отрядам—

Со стороны армии Чэнь донесся рев военных горнов, способный расколоть небеса.

— Вперед! — крикнул Ли Цзяньхун, взмахнув Чжэньшаньхэ, и воины Чэнь с ревом бросились на монгольскую армию!

Когда Дуань Лин, вырвавшись из ущелья, достиг поля боя, там уже кипело самое масштабное за десятилетие сражение. Тем временем корейцы, перегруппировав силы, форсированным маршем обходили каньон, нацеливаясь ударить в тыл войск Южной Чэнь.

Если Ли Цзяньхун не успеет разгромить монголов до подхода армии Корё, то будет зажат в клещи. Но если Бату отступит раньше, чем подойдут союзники — воинам Корё останется лишь встретить неминуемую гибель.

— Папа! — крикнул Дуань Лин.

На поле битвы сошлись почти сто тысяч солдат. Равнина, словно гигантский жернов, взметнувший снежную пыль, поглотила все войска. Ли Цзяньхун с первых же минут схватки одерживал верх, однако монголы, стиснув зубы, упорно сопротивлялись, выжидая момента, когда подоспевшее подкрепление Корё переломит ход битвы.

Вдалеке прозвучал свист Дуань Лина — Ли Цзяньхун заметил сына, мчавшегося к нему. Тот во главе немногочисленного элитного отряда врезался в тыл врага, обрушившись на монголов. Они уже не могли сдерживать натиск, и их строй начал распадаться.

Еще один свист — и Лан Цзюнься, размахивая длинным мечом, ринулся вперед на коне, срубая всех солдат на пути.

— Где отец?! — громко спросил Дуань Лин.

— Сдерживает основные силы противника! — крикнул Лан Цзюнься. — Как только мы встретимся с ними, защитите наследного принца! Уходим отсюда!

Чан Люцзюнь и Чжэн Янь, соединившись с Лан Цзюнься, мгновенно усилили натиск, и Дуань Лин, мельком заметив флаг Бату, крикнул:

— На север!

Трое воинов, обнажив длинные мечи, прикрывали Дуань Лина, устремившегося к вражескому командному пункту. Под непрерывными атаками Ли Цзяньхуна центральные силы Бату оказались рассеяны и отрезаны.

— Держать строй! — орал Бату, пытаясь перегруппировать войска, как вдруг стрела рассекла снежную пелену, просвистев у самого его лица и вонзившись в древко знамени.

Бату резко обернулся — среди этого людского моря он внезапно увидел Дуань Лина.

Разделенные восемью годами кружащей метели, словно сном, из которого не суждено пробудиться...

Дуань Лин опустил лук и, улыбаясь, что-то произнес, но Бату был обречен никогда не услышать этих слов.

Строй вокруг командира в мгновение ока рухнул. Веером рассыпались отравленные дротики, и У Ду, верхом на коне с Легуанцзянем в руке, с улыбкой мчался к Дуань Лину. Их лошади пронесли друг мимо друга — и в следующее мгновение У Ду, ловко перевернувшись, уже сидел позади него.

— Вперед! — скомандовал У Ду.

Дуань Лин вцепился в У Ду, пока тот вел четверку убийц в самое пекло вражеского стана — словно смертоносный клинок, вонзившийся в самое сердце монгольской армии. Однако он не стал ввязываться в затяжной бой: нанеся удар, отряд тут же отступил.

— Вы еще не схватили Бату! — воскликнул Дуань Лин.

— Плевать на него! — крикнул У Ду. — Поднимайте знамя!

Позади Лан Цзюнься развернул шелковый флаг наследного принца. Ярко-желтое полотнище с огромным иероглифом «Ли» затрепетало на ветру, а его золотой дракон, ошестинившийся когтями, взмыл над армией. Все больше воинов примыкало к ним, сливаясь в бурлящий поток, что, извиваясь и ревя, разрывал ряды монголов, устремившихся к их тылам.

Юаньские войска дрогнули, рассыпавшись по горным склонам, и в этот момент из ущелья хлынули силы Корё.

— По моей команде! — крикнул Дуань Лин. — Вперед!

По его приказу задние ряды Южной Чэнь превратились в авангард, обрушившись на войско Корё.

У Ду, в стальных доспехах и с Легуанцзянем в руке, ворвался во вражеские ряды вместе с Дуань Лином — словно бог, сошедший с небес, чтобы посеять хаос в передовом отряде Корё.

Ли Цзяньхун, сжимая Чжэньшаньхэ, с легкой усмешкой покачал головой и развернул коня, наблюдая за обрушившейся лавиной армией Чэнь.

В тот год союз Корё и Юань распался, и шестнадцать городов у подножия гор Сянбэй перешли под власть Чэнь.

Борджигин Бату, потерпев поражение, бежал за Великую стену.

Ли Цзяньхун же повел войска на север для решающей битвы с Угэдэем, взяв с собой У Ду, Лан Цзюнься и Чан Люцзюня, а Чжэн Янь получил приказ сопроводить Дуань Лина в Хуайин и там дожидаться триумфального возвращения Сына Неба.

VII. В осеннем озере отражается бескрайнее небо; я опираюсь на перила в ожидании нашей радостной встречи.

Когда Дуань Лин прибыл в Хуайин, уже наступила ранняя весна. Побег из дома, разумеется, стоил ему жестокой взбучки от Ли Яньцю — тот отчитал его на чем свет стоит. Затем последовали три месяца домашнего ареста с запретом на выезд за пределы города.

Дуань Лин надеялся вернуться в Цзянчжоу, но Ли Яньцю распорядился поселить его в усадьбе Яо Фу до триумфального возвращения Ли Цзяньхуна. Три месяца скитаний с северной армией измотали его до предела — вернувшись в праздничный, словно застывший вне времени Хуайин, он ощущал противоречивые чувства.

Но одна вещь оставалась загадкой...

— Э-э? — Дуань Лин удивленно поднял бровь. — Дядя, а зачем ты приехал в Хуайин?

Ли Яньцю молча потягивал чай, нахмурившись:

— Собираешься совать свой нос в чужие дела? Дядя еще не начал опекать тебя, а ты уже пытаешься им командовать.

Дуань Лин махнул рукой — ну, ладно, приехал, так приехал. Я не против остаться здесь еще на пару дней. Весенний город встретил его пением птиц и изумрудными лугами, теплое дыхание сезона пробуждало в юноше странное беспокойство.

— Когда же отец вернется?! — ныл Дуань Лин. — Даже письма нет! Как там вообще идут бои?

Весна расцветала буйством красок, и Дуань Лин, словно в поисках замены Ли Цзяньхуна, целыми днями приставал к Ли Яньцю — то обнимет, то уткнется лицом в грудь. Даже младший сын Яо Фу, с которым Ли Яньцю играл в вэйци, норовил забраться к отцу на колени.

— При отце ты на меня и внимания не обращал, — дернул Дуань Лина за ухо Ли Яньцю. — А теперь, как ушел он на войну, решил примазаться ко мне?

Дуань Лин смущенно лег на доску вэйци перед Ли Яньцю и не удержался, повернувшись к нему.

— Простой ночью я слышал шум в твоём дворе, — сказал он. — Дядя, это ты вставал, чтобы выйти в уборную?

Ли Яньцю резко мотнул головой:

— Нет.

Яо Фу рассмеялся, подмигнув Дуань Лину, и тот в недоумении посмотрел на него.

Весна сменилась летом, а затем с севера пришли два письма. Война еще не закончилась, но строки, полные любовной тоски У Ду, заставили сердце Дуань Лина сжаться от печали.

В усадьбе Яо с наступлением осени всю готовили питательные блюда, но Дуань Лин, пылающий юношеским жаром, оставался один — У Ду не было рядом. Каждую ночь он ворочался без сна, мечтая обнять кого-нибудь и почувствовать тепло родного тела — только ночи близости дарили крепкий сон.

В одну из таких ночей, окончательно отчаявшись уснуть, он поднялся во двор, чтобы повторить приемы Ладони царства. Внезапно из бамбукового павильона Ли Яньцю донеслись шаги.

Любопытство взяло верх, и юноша крадучись двинулся туда. И точно: из здания вышла чья-то тень.

— Дядя? — нахмурился Дуань Лин.

Ли Яньцю, увидев племянника, спешно приложил палец к губам.

— Тссс! — потянув Дуань Лина за рукав, он обошел павильон со стороны. — Только тете не вздумай болтать. А то она опять мне все уши прожужжит.

Дуань Лин вопросительно посмотрел на него.

Добравшись до стены, юноша спросил:

— Куда это ты? Если не возьмешь меня — закричу!

— Возьму, возьму, — Ли Яньцю наклонился, подставив спину. — Перелезай. На улицу.

Перебравшись через стену, Дуань Лин столкнулся с Чжэн Янем, державшим за поводья двух лошадей. Оба вздрогнули от неожиданности.

— Что вы здесь делаете? — выпалил Чжэн Янь.

Ли Яньцю, перемахнув следом, усадил племянника в седло:

— Никому не говори. Я возьму тебя на прогулку.

Дуань Лин, не зная, смеяться ему или плакать, уселся с Ли Яньцю на одного коня, обхватив того за талию:

— Когда вернется отец?

— Скоро, — ответил Ли Яньцю. — Возможно, в ближайшие дни.

Чжэн Янь привел их к плавучему павильону на озере Ваньгуан, и изнутри донесся сдержанный смех и шепот:

— Господин Ли прибыл?

Ли Яньцю вошел внутрь, усадил Дуань Лина в сторонке и, заказав ему угощения, скрылся за шелковой занавесью.

«Теперь понятно, почему ты отказываешься покидать Хуайин», — подумал Дуань Лин.

— Выбрать кого-нибудь? — спросил Чжэн Янь. — Парня или девушку?

Дуань Лину был нужен только У Ду. Он отмахнулся от предложения Чжэн Яня, чувствуя, что ему все это порядком надоело.

— Просто посижу тут один.

Ночной ветерок с озера ласкал лицо. Облокотившись на перила, юноша смотрел в темноту, пока накатившая усталость не заставила его зевнуть и уснуть, привалившись к борту.

Ему снился бесконечный сон: закованные в броню войска, кровь, огонь войны, бесконечные слезы и печаль.

Проснулся он с явными следами слез на щеках.

— Проснись, Дуань Лин, — произнес знакомый голос.

Дуань Лин уже собирался оттолкнуть незнакомца, но тот схватил его за руку. Открыв глаза, юноша увидел Лан Цзюнься и мгновенно пришел в себя.

— Лан Цзюнься?! Ты вернулся? — Дуань Лин широко распахнул глаза.

Лан Цзюнься мягко улыбнулся, и юноша тут же выпалил:

— А где отец?

— Пойдем, — Лан Цзюнься взял его за руку и подвел к корме павильона, где стояла маленькая лодка. Он пригласил его сесть в нее.

Летние лотосы простирались на десять ли вокруг, и в воздухе витал аромат цветков османтуса поздней осени.

На берегу озера Ваньгуан зеркальная гладь воды отражала яркую луну, висящую в небе. Лан

Цзюнься стоял на носу лодки, играя протяжную мелодию, а Дуань Лин сидел у его ног, наблюдая за водой.

— Он придет? — подняв голову, спросил Дуань Лин.

— Придет, — ответил Лан Цзюнься. — Непременно придет.

— Но прошло уже так много времени.

Лан Цзюнься продолжил:

— Эта мелодия называется «Радость встречи». Говорят, она способна исцелить любую боль и сожаление в этом мире. Горы и моря, реки и равнины — если сердце не желает смириться с разлукой, тот человек обязательно придет, чтобы повидаться с тобой.

Дуань Лин сидел на носу лодки, которая скользила по зеркальной глади воды. Полная луна, будто утонувшая в озере, вела их к просторной середине водоема, и там, в самом центре, стояла другая лодка — словно ждала его целую вечность.

На борту стоял человек, раскинув ладони, и лунный свет струился сквозь его пальцы, как в давнем сне.

— Папа! — закричал Дуань Лин.

Лодка Лан Цзюнься приблизилась. Дуань Лин перепрыгнул на борт и крепко обнял Ли Цзяньхуна. Тот был одет в грубый льняной халат, его лицо оставалось неизменным, а благородные черты освещала озорная улыбка.

— Посмотри, как ты вырос, — Ли Цзяньхун положил руку на щеку Дуань Лина, внимательно разглядывая его при лунном свете. Пальцы мягко скользнули по бровям и коснулись губ. Юноша дрожал от волнения, и на его глазах наворачивались слезы.

— Тсс, — мягко произнес Ли Цзяньхун. — Не плачь.

Он наклонился и нежно поцеловал сына в щеку.

Луна приближалась к своему пику, и Ли Цзяньхун лежал в лодке, обнимая Дуань Лина, прижавшегося к его груди. Их маленькое судно замерло на неподвижной глади озера, и горы у берега уже растворились в ночной дали. Отец обвил рукой шею сына, взяв его ладонь в свою — а Дуань Лин тем временем держал в руке две нефритовые дуги, рассказывая о своем сне, том самом, что снился ему целую вечность.

— А потом я оказался в Лояне... — начал Дуань Лин.

— М-м, — улыбнулся Ли Цзяньхун. — Подобрал ребенка и поработал несколько месяцев помощником в аптеке...

Дуань Лин удивленно спросил:

— Откуда ты это знаешь?

— Разве твой сон — не мой сон? — небрежно ответил Ли Цзяньхун. — В том сне я попросил кого-то заехать за тобой на повозке и дать тебе место для ночлега, чтобы у тебя было убежище от холода и снега. Прикрыл твои уши, заставил людей молчать... чтобы ты не горевал слишком сильно...

Дуань Лин поднял голову и посмотрел в ясные ослепительные глаза Ли Цзяньхуна.

— Этот сон был таким длинным... что я даже не знал, когда же он закончится, — сказал Дуань Лин.

— В конце концов, это время настанет, — ответил Ли Цзяньхун. — Ты проживешь долгую-долгую жизнь. А Лан Цзюнься, У Ду, Чжэн Янь, Чан Люцзюнь... Все они будут рядом.

Дуань Лин повернулся на бок, положив голову на плечо отца.

— Но все, о чем я мог думать, — это о тебе, — прошептал он. — Я хотел, чтобы ты поскорее вернулся.

— Папа никогда не уезжал, — сказал Ли Цзяньхун. — Я всегда был рядом.

В этой тишине Дуань Лин погрузился в сон. На рассвете лепестки османтуса закружились в танце, усыпав гладь озера, и наполнили воздух сладким благоуханием.

У берега, где витали золотые цветы, на лодке стоял человек. Он направлялся к нему, рассекая волны.

— Дуань Лин, — У Ду улыбнулся, и его голос эхом отозвался в сердце юноши.

Звуки флейты, принесенные неведомо откуда, заморозили пространство, и мелодия бесконечно витала в воздухе, поднимаясь к самым звездам.